

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г. п.
2 Декабря.

№ 16.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАПОРЩИКЪ УШАКОВЪ. ПОХОРОНЫ.

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. ЗАДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ.

БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. МИРЪ.

ПРОФ. М. Н. СОБОЛЕВЪ. ТОРГОВО-ПРОМЫШ-

ЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКАГО
ЗЕМСТВА.

С. С. КОНДУРУШКИНЪ. НЕПРОТИВЛЕНЦЫ.

Н. М. ЮРДАНСКИЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Б. ГРЕЧЕВЪ. ЦЕРКОВНЫЙ СОБОРЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСЦИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—40 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 8.
Тел. 3-97-14; 61-03 и 4-27-29.

ПОХОРОНЫ.

(13 ноября 1917 года).

Статья прапорщика Ушакова.

I.

Въ Москвѣ развѣ только въ Серебряномъ бору, въ селѣ Всѣхсвятскомъ, Братское кладбище?

Вся Москва и все подмосковье—это одно огромное старое Братское кладбище.

Подъ Москвой каждый аршинъ земли обильно полить кровью, въ Москвѣ каждый камень—надгробная плита надъ могилами всѣхъ тѣхъ, кто палъ въ жаркой сѣчи подъ ея стѣнами съ самаго перваго дня ея существованія.

Изъ стѣнъ Москвы вышла русская армія.

И это была народная русская армія, великая въ браняхъ, безропотная въ лишеніяхъ, могучая и непобѣдимая, какъ могучъ и силенъ русскій народъ.

И никто не назоветъ нашихъ воиновъ холопами царскими, приспѣшниками государевыми, потому что это была рать плоть отъ плоти и кровь отъ крови Народа Русскаго.

Я знаю, что хотѣть сказать мнѣ тѣ, кому смѣшны эти хвалебныя и восторженныя слова.

Я помню про тѣ гнусныя страницы, что вплетены злодѣйской рукой въ исторію русской арміи, но я далеко отъ того, чтобы считать эти предательства пятнами на русскихъ знаменахъ, потому что ни эти знамена, ни Русскій Народъ не повинны въ томъ, что русскими солдатами разстрѣливались русскіе граждане, что изъ русскихъ полковъ комплектовались карательные отряды.

Но не объ этихъ обманутыхъ сейчасъ рѣчь; здѣсь рѣчь о тѣхъ, что превратили малое княжество московское въ Великую Державу Россійскую, что свергли иго татарское, сбросили Наполеона, перешли Альпы, были подъ стѣнами Парижа, взяли Эрзерумъ.

Съ полками насилующими не было русскаго народа, потому что не могъ быть насильникомъ добрый русскій народъ и нельзя связывать его имя съ тѣми злодѣйскими страницами, о которыхъ была рѣчь выше.

Не могъ народъ послать полки усмирить и сдѣлать рабомъ польскій народъ, равно какъ нельзя было указомъ государевымъ прогнать французовъ и заставить полки перейти Альпы.

Поэтому не могутъ быть народными вождами и героями Рененкамфы и Меллеры-Закомельскіе, равно какъ не могутъ быть названы царскими наймитами Суворовы, Кутузовы и Скобелевы.

Москвѣ суждено было сдѣлаться восприемницей Русской Арміи, и, вѣрная своему долгу и покорная судьбѣ, она связала судьбу свою съ судьбой своего дѣтища.

Она радовалась ея побѣдамъ, ликовала ея браннымъ счастьемъ и болѣла ея ранами, страдала ея поразеніями.

Въ роковыя дни била тревогу—набатъ, посылала сыновъ своихъ на защиту, величала героевъ—побѣдителей.

А когда уходило бранное счастье изъ русскихъ полковъ и отступали русскія дружины и полки подъ напоромъ врага, послѣдней битвой была битва подъ московскими стѣнами и если и тутъ сильнѣй былъ врагъ, народъ московскій сжигалъ свои дома, не страшась жертвъ.

И много было пережито русской арміей за всѣ вѣка ея существованія. Много черныхъ годинъ, много страшныхъ поражений, но ничто ея не сокрушало, потому что была она сильна и здорова сама въ себѣ.

Но вотъ случилось, что завелся недугъ въ ней самой и это было для нея роковымъ событіемъ. И потому она не вынесла его, что была изнурена въ конецъ небывалой тяжелой войной, неслыханно тяжелыми жертвами. А какъ завелся недугъ и какъ погибла армія, къ несчастью это не нужно рассказывать, такъ какъ это случилось у насъ на глазахъ, все это мы пережили и перестрадали.

Мы лишь думали, что полками 18 іюня вписана послѣдняя страница въ славную и великую книгу исторіи русской арміи, мы лишь думали, что угас навсегда духъ героизма въ русскихъ полкахъ, и уже не видать русской землѣ безумныхъ подвиговъ ея храбрыхъ сыновъ.

Но ошиблись.

Въ страшные октябрьскіе-ноябрьскіе дни, въ часъ послѣдняго испытанія, въ обезсилѣвшей и умирающей русской арміи воскресъ, проснулся духъ суворовскихъ героевъ. Обезсилѣвшая и умирающая предъ лицомъ надвигающейся смерти она пыталась подняться, пыталась стряхнуть съ себя ярмо тяжелаго недуга, пыталась вернуть себѣ былую славу и доблесть былую, мощь и величіе.

Пыталась, но побѣдилъ тяжелый недугъ, и она пала, отдавъ землѣ своихъ лучшихъ сыновъ.

Это было въ тѣ недавно пережитые дни, когда витала смерть надъ улицами Москвы, когда въ ней кипѣлъ послѣдній междоусобный бой, когда погибали ея святыни и дома отъ тяжелыхъ снарядовъ и сотнями гибли люди отъ братскихъ пуль.

А въ день 13 ноября, старая и много пережившая Москва, Москва, родившая и взлелѣвшая русскую армію, Москва не дни, не годы, а вѣка, жившая ея жизнью, болѣвшая ея ранами и ликующая ея побѣдами, отдавала землѣ тѣла послѣднихъ безумцевъ, погибшихъ на ея такъ обильно политой кровью землѣ, и страшный былъ этотъ день народнаго прощанія и народной скорби.

II.

Былъ странный день—осеннее небо то кидало на землю холодные хлопья сырого снѣга и леденило мозгъ пронизывающимъ вѣтромъ, то куда-то прятало гяжелыя тучи и ласково голубѣло и тогда озябшій городъ нѣжили скудные лучи ноябрьскаго солнца.

Въ этотъ день на улицахъ, площадяхъ и бульва-

рахъ, на пути къ Братскому кладбищу сплошной толпой стояли люди. Стояли съ самаго утра цѣлый день и терпѣливо ждали.

Не было ни шутокъ, ни громкихъ разговоровъ, лица были сосредоточены и толпа стояла молчаливо.

И если бы пришелъ кто-нибудь извнѣ, ничего не знающій о страшныхъ похоронахъ, онъ былъ бы пораженъ тѣмъ, что вся масса народа была во власти одного скорбнаго настроенія.

И было жутко на этихъ запруженныхъ народомъ, но тихихъ и застывшихъ улицахъ и давило душу скорбное молчаніе толпы.

III.

Въ набитой людьми церкви безконечно долго тянется архіерейское отпѣваніе.

Здѣсь много военныхъ, родственники убитыхъ и представители разныхъ общественныхъ группъ. Вижу знакомыя лица писателей, недагнихъ министровъ и россійски извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей.

Впереди на срединѣ на возвышеніи бѣлыя одежды духовенства, сверкающія драгоцѣнными камнями митры епископовъ.

Горятъ у всѣхъ тонкія желтыя свѣчи, а гдѣ-то подъ сводами спрятанный хоръ поетъ съ дѣтства знакомые и трепетно волнующіе погребальныя напѣвы.

Въ надгробныхъ рыданіяхъ—вѣра въ загробную жизнь и скорбь послѣдняго прощанія.

Кто-то уходитъ изъ жизни, изъ жизни тлѣнной и грѣшной, изъ бурной юдоли земной, и вѣрить въ то, что тамъ за гробомъ, радость вѣчной жизни, миръ и счастье, но все же плачешь о скорбномъ жизненномъ пути.

И, какъ бѣлые хлопья перваго снѣга на черные комья застывшей грязи, ложатся на озлобленную и очерствѣвшую душу эти волнующія мечтанья о блаженномъ успеніи и жизни вѣчной.

Горятъ тонкія желтыя свѣчи, рыдаетъ и молится хоръ, сверкаютъ митрополичьи митры, а надъ всѣмъ дыханіе смерти.

Здѣсь та же общая скорбь, что сковала молчаніемъ запруженные народомъ улицы.

Это не безумная, полная слезъ и истеричности скорбь близкаго человѣка, и не холодное сожалѣніе человѣка, пришедшаго на похороны только лишь потому, что ему неудобно не притти, это особая, я бы сказалъ, гражданская скорбь. Если хотите это не столько скорбь, сколько тяжелая, глубоко запавшая дума.

Оттого у всѣхъ такъ скорбно сосредоточены лица.

Когда пришло время, передали, что просятъ желающихъ нести гробы и мы стали протискиваться впередъ.

Гробы стояли въ правомъ и лѣвомъ притворѣ.

Они были открыты и изъ длиннаго ряда глядѣли на насъ позеленѣвшія, уже начавшія разлагаться, страшныя лица мертвецовъ.

Въ головахъ горѣли свѣчи, руки сложены на груди.

Мы проходили молча мимо мертвой шеренги и размѣщались. Я занялъ мѣсто у крайняго праваго гроба.

Въ немъ лежалъ кто-то синій, съ провалившимися глазами, съ кровоподтеками и ранами на лицѣ.

Крѣпко сжаты губы, а на сложенныхъ на груди рукахъ, клочекъ бумаги.

Я взялъ его и прочелъ:

«Прапорщикъ Г., ударнаго баталіона».

Еще долго тянулось отпѣваніе.

Въ церкви толстыя свѣчи паникадилъ горѣли свѣтлѣй—день клонился къ вечеру.

Пошли люди въ бѣлыхъ парчевыхъ одеждахъ и каждому, кто лежалъ въ гробу, дали по бумагѣ и бросали въ синія испортившіяся лица шепотки песку.

«Господня земля и исполненіе ея, вселенная и вси живущія въ ней».

Потомъ невидимый въ сводахъ хоръ запѣлъ вѣчную память.

И въ этихъ великихъ словахъ, въ этомъ торжественно-грустномъ напѣвѣ—весь ужасъ смерти, вся скорбь утраты.

Словно въ бездну упала душа и замерла, рыдая, и замерла въ оцѣпенѣннй людская толпа.

И чье-то скорбью переполненное сердце не выдержало и страшные крики, крики ужаса и отчаянія, покрыли музыку послѣдняго рыданія.

Но музыка все разрасталась и ширилась, и крики не умолкали, и стучали молотки, навсегда забывая досчатые гробы.

IV.

Давить шею и плечо узкая лямка и неровно ступаютъ ноги на скользкіе камни мостовой подъ тяжелымъ гробомъ.

Но пріятна боль рѣжущей плечо лямки.

Хочется всю тяжесть гроба взвалить на плечи и такъ итти, изнемогая и тяжело ступая.

Хочется создать себѣ страшное испытаніе, причинить себѣ страшную боль, чтобы какъ-то оправдать вотъ то, что живешь и смотришь на небо, а тѣ—въ досчатыхъ гробахъ.

Иногда я оглядываюсь назадъ и вижу, какъ сзади, также напрягая шею подъ рѣжущими лямками и также неровно ступая, идутъ другіе шестеро и несутъ такой же досчатый гробъ, а за ними другіе, а тамъ еще и еще и не видно конца гробамъ и конца людской толпѣ.

Впереди надъ группой студенческаго хора, регентъ-студентъ размахиваетъ рукою—дирижируетъ. Онъ маленькій, его никто не видитъ.

А дальше сверкающія митры и коричневые скуфи.

Справа и слѣва сплошной стѣной жадно ловающая глазами всѣ мелочи, торопливо крестящаяся и всхлипывающая толпа.

Надъ ней за бульварными деревьями дымящіеся остовы разрушенныхъ домовъ, а тамъ еще выше, голубое, осеннее небо.

Передніе остановились: служатъ литію.

Въ тихомъ воздухѣ таятъ голоса студенческаго хора.

Каплетъ съ крыши и грѣетъ солнце, какъ весной.

V.

Дошли до Тверской.

Облаками покрылось небо.

Мой сосѣдъ слѣва—калѣка поручикъ. У него одна нога короче другой и на пригязи рука. Ему трудно нести гробъ, но онъ упрямо несетъ и угрюмо не соглашается смѣниться.

Въ толпѣ мы видимъ солдата, заломившаго набекрень фуражку и закусившаго въ зубахъ дымящуюся папиросу.

Мой угрюмый сосѣдъ смотритъ на него гнѣвно и бормочетъ злыя слова.

— Какъ много народу, вся Москва, — говорю я, чтобъ развлечь его.

— Если бы изъ нихъ хоть четверть пришла, когда было нужно, они бы сейчасъ здѣсь не торчали.

Озлобленный челоуѣкъ.

У Садовой вдругъ налетѣлъ вѣтеръ и ударилъ въ лицо снѣгомъ, дождемъ и пронизывающимъ холодомъ.

Словно вдругъ кто-то спохватился и обрушился со всей злобой и гнѣвомъ на траурную процессю.

Но ее все же не остановилъ и толпа продолжала продвигаться впередъ.

VI.

За погаснувшимъ днемъ спустилась на землю темная беззвѣздная ночь.

Въ сырой темнотѣ по талому ледяному Петроградскому шоссе двигалась толпа съ четырьмя десятками досчатыхъ гробовъ.

Солдаты, мимо которыхъ мы проходили, уже не насмѣхались и не глумились надъ гробами, какъ это было раньше, а провожали молча.

Это былъ всего лишь осколокъ той огромной толпы, что днемъ запруживала улицы.

Тутъ были лишь избранные, которыхъ не разогнала снѣжная буря, не испугали дальнй путь и темная ночь, у которыхъ патриотизмъ заглушилъ въ этотъ день будничныя заботы, а любовь къ тѣмъ, кто палъ жертвой борьбы за жизнь Русскаго Народа, пересилила боязнь схватить насморкъ и остаться въ этотъ день безъ горячаго обѣда.

Простоять цѣлый день на улицѣ, а потомъ въ холодъ и сырость пройти отъ центра города до с. Всѣхсвятскаго—это въ самомъ дѣлѣ сдѣлать было не такъ легко и на это рѣшились именно, какъ на подвигъ, и отъ этого, въ тотъ позднй часъ, за городомъ не чувствовалось никакой ни праздничности, ни торжественности и люди шли, устало ступая.

Впереди вели подъ руки обезсилѣвшихъ стариковъ-митрополитовъ.

За ними все тотъ же неутомимо поющй хоръ.

Дальше, частью на рукахъ, частью на катафалкахъ.— гробы.

А за гробами люди идутъ рядами, взявши другъ друга подъ руки, торопливо ступая по скользкой дорогѣ.

VII.

Горѣли факелы и кидали на огромную яму—могилу, на молчаливую толпу, на застывшя сосны стараго парка багряные отсвѣты. Оттого, что горѣли факелы, ночь казалась еще темнѣй и безпросвѣтнѣй. Досчатые гробы отдавали землѣ. Забудетъ ли кто-нибудь изъ тѣхъ, кто окружалъ тогда открытую могилу, эту темную ночь и эти послѣднй часы похоронъ? Забудетъ ли кто-нибудь тѣ клятвы и призывы, что слышалъ тогда, и не сохранить ли онъ память объ этихъ минутахъ, какъ самыхъ великихъ минутахъ жизни?

Опускали гробы въ могилу, а на краю ея, на грудѣ взрытой земли, высоко надъ толпой, стоялъ старецъ-митрополитъ и говорилъ прощальныя слова.

И вѣрой въ свѣтлое будущее русскаго народа, въ его славное воскресеніе дышала рѣчь сѣдого старца.

Въ этихъ гробахъ онъ видѣлъ залогъ того, что не угаснетъ жажда самопожертвованія и духъ героизма въ русскихъ людяхъ, и воскреснувшй народъ обрѣтетъ на землѣ миръ и правду и освятитъ поруганныя святыни.

Высоко поднимая руки къ небу, старецъ заклиналъ нѣмую толпу сохранить эту вѣру и поклониться предъ провозвѣстниками грядущаго воскресенія, предъ тѣми, кто уходитъ сегодня отъ насъ.

А потомъ говорили другіе и безутѣшной скорбью и слезами, и смертнымъ страхомъ за судьбу родины была полна ихъ рѣчь.

И ужъ не стояла безмолвной, а рыдала людская толпа.

Нужно было быть русскимъ и чувствовать весь ужасъ гибели родного народа, чтобъ понимать, почему рыдали люди надъ гробами тѣхъ, кого никогда не видали и никогда не слышали, и почему такой страшной и безпросвѣтной казалась нависшая ночь.

«Въ эту темную ноябрьскую ночь, при свѣтѣ этихъ дымныхъ факеловъ, какія нужны слова надъ уходящими въ вѣчность молодыми, прекрасными жизнями?»

Не одно ли слово опредѣляетъ весь сегодняшний день, все то, чѣмъ мы жили сегодня, что привело насъ сюда?

Это слово—скорбь.

Скорбью полны наши сердца, скорбью глубокой и невыразимой, скорбны наши думы, скорбью дышать наши рѣчи, полонъ скорби пройденный путь, мрачны и печальны открывающіеся дали.

Тамъ, въ нашей родной Москвѣ, торжествуютъ побѣду.

Надъ кѣмъ?

Надъ своимъ же русскимъ народомъ и въ торжествѣ злобствуютъ и проклинаятъ.

Тьма и мракъ побѣдили свѣтъ разума.

Снова въ цѣпяхъ русскій народъ и, бряцая цѣпями, онъ плачетъ и молитъ о свободѣ.

Но нѣтъ ея, ибо зашло ея солнце и ночь черная безъ звѣздъ опустилась на землю.

И подавленные скорбью, мы здѣсь, надъ этими могилами, какъ изъ темницы вопрошаемъ:

«Стражъ, стражъ, долго ли еще ночь?»

И слышимъ слова вѣщія:

«Еще ночь, но скоро будетъ утро».

Слышите вы слова эги, вы, оставшіеся жить? Воины, павшіе за правое дѣло, отошли въ вѣчность съ вѣрой въ воскресеніе Россіи. Такъ пусть же не покидаетъ насъ эта вѣра.

А тамъ торжествуютъ побѣду! Но правда, развѣ она съ ними?

Скоро пойметъ обманутый народъ, куда ведутъ его предатели.

У открытой могилы не нужно кликовъ мщенія и проклятій.

Надъ открытой могилой дадимъ одну великую клятву:

«Спасти Россію, во что бы то ни стало...¹⁾»

Рыдала толпа, дымили факелы и черныя тѣни копошились въ чашѣ стараго парка.

«Герои просты. И простъ былъ ихъ подвигъ, какъ подвигъ каждаго героя».

Они узнали, что на свободу, которую они защищали

¹⁾ Изъ рѣчи Н. И. Астрова.

еще въ мартѣ, обрушились темныя силы, и вотъ подставили свою честную, молодую грудь подъ выстрѣлы.

Кто-то гнусный и темный предательскимъ выстрѣломъ изъ-за угла убилъ ихъ, а потомъ принесъ на могилу вѣнокъ изъ лжи и клеветы.

Вы помните тѣ дни, три мѣсяца назадъ, когда здѣсь же хоронила Москва ихъ товарищей, погибшихъ такъ же при исполненнн долга передъ родиной, погибшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Быль жаркій лѣтний день и Москва видна была отсюда, сверкающая своими куполами на горячемъ лѣтнемъ солнцѣ.

Тогда вся Москва была здѣсь, какъ одинъ человекъ. А гдѣ жъ теперь она?

Почему не пришла отдать послѣдній долгъ принявшимъ смерть за счастье Россіи?

Ея не видно, она закрыта пеленой осенняго тумана.

Но минутъ дни и разсѣется промозглый, предательскій туманъ. Москва придетъ сюда и до земли поклонится предъ этими могилами и броситъ горсть земли.

Россія здѣсь, Россія съ вами и васъ, вставшихъ на защиту ея чести и свободы, она не забудетъ въ своей «свѣтлой, вѣчной памяти...»¹⁾

Развѣ передать всю силу этихъ словъ, развѣ передать всю безнадежность гибели, всю боль изстрадавшихся сердецъ, которой дышали всѣ сказанныя тогда слова?

И было уже поздно, когда пропѣли послѣдній разъ «Вы жертвою пали» и молча, съ поникшими головами, ушли съ кладбища.

Морозъ крѣпчалъ, на небѣ зажгались звѣзды.

VIII.

Въ Москвѣ, на Братскомъ кладбищѣ, рядомъ съ тѣми, кто нашелъ себѣ смерть въ поляхъ далекой Польши, у деревень разоренной Галиціи, въ суровыхъ Карпатскихъ горахъ, легли тѣ, кого сразила братская пуля на улицахъ Москвы въ рядахъ правительственныхъ войскъ.

¹⁾ Изъ рѣчи П. П. Юренева.

И это такъ должно, и это такъ нужно, ибо это братья по духу, ибо тѣмъ и другимъ счастье родины было дороже жизни, а велѣніе солдатскаго долга сильнѣй своихъ личныхъ желаній.

И мѣсто имъ тамъ, гдѣ лежатъ лучшіе сыны народа, куда не зарастетъ народная тропа, точно такъ же, какъ «тѣмъ» мѣсто у той кремлевской стѣны, гдѣ по преданію Иванъ Грозный хоронилъ своихъ палачей и опричниковъ.

Я знаю, надъ гробомъ не скрещиваютъ шпагъ, но не для тѣхъ говорю, кто тамъ зарытъ, ибо они погибли смертью храбрыхъ, и чту ихъ память, а говорю для тѣхъ, кто кичится сейчасъ чужими жизнями купленной побѣдой и правитъ бѣсовскій шабашъ на развалинахъ гибнущей страны.

Въ Москвѣ, на Братскомъ кладбищѣ, на холмѣ у церкви нашли себѣ мѣсто тѣ, кто въ недавніе дни, когда витала смерть надъ улицами города и сотнями гибли люди, не прятался малодушно за стѣны, а честно дрался за правое дѣло и гордо не клонилъ головы передъ предательскими пулями.

И розами покройте свѣжія могилы, плачьте надъ трупами юношей отважныхъ, безвременно погибшихъ на порогѣ жизни, но знайте, что они погибли сынами свободаго народа.

Они унесли съ собой въ могилы вѣру въ торжество русскаго народа, вѣру въ торжество Великой Русской Революціи, въ несокрушимую мощь побѣдной армии родного народа, мы выпьемъ до дна всю чашу горькихъ испытаній, переживемъ весь ужасъ гибели страны и предательскій разгромъ родныхъ полковъ.

И пусть тѣ, для кого будутъ сказкой далекаго прошлаго нами пережитые дни, пусть они помнятъ могилы послѣднихъ погибшихъ подъ старыми русскими знаменами.

И пусть на холмѣ у церкви клянутся той же великой клятвой, какую твердили мы въ глухую ночь, когда ихъ хоронили.

«Спасемъ Россію, во что бы то ни стало, спасемъ или ляжемъ съ ними рядомъ, умремъ, но воскреснетъ Россія, увидитъ день гибнущій во тѣмѣ русскій народъ».

Прапорщикъ Ушаковъ.

ЗАДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Статья Н. Бердяева.

I.

Такъ называемая «революціонная демократія» претендуетъ говорить отъ лица русскаго народа и хотѣла бы представлять Россію въ переговорахъ о мирѣ. И это есть основная ложь и подмѣна нашихъ революціонныхъ дней. Подлиннаго народа въ «революціонной демократіи» нѣтъ. Не поразительно ли, что въ демократическомъ Временномъ Совѣтѣ Россійской Республики былъ всего одинъ крестьянинъ и что этотъ крестьянинъ сидѣлъ на крайней правой, какъ представитель союза земельных собственниковъ? Въ совѣтахъ крестьянскихъ депутатовъ сидятъ не русскіе крестьяне, а наѣхавшіе изъ-за границы интеллигенты, чуждые русскому народу. Имѣетъ ли наша «революціонная демократія» органическую связь съ Россіей? Въ ней нѣтъ ничего русскаго. Нельзя сказать, чтобы представители «революціонной демокра-

тіи» не были патриотами и не имѣли родины. Но родина ихъ не Россія. Наша родина существуетъ тысячу лѣтъ. Ихъ родина существуетъ всего полгода съ чѣмъ-то, ихъ родина—революція. Они—не русскіе патриоты, а патриоты революціи и революціоннаго народа. За эти мѣсяцы у насъ родился не только революціонный патриотизмъ, но и самый крайній революціонный шовинизмъ. «Революціонная демократія» также кричитъ «шапками закидаемъ», какъ прежде кричали старые русскіе шовинисты. Всѣ народы міра хотятъ подчинить волѣ русской революціи. Революціонная демократія видитъ въ русской революціи свѣтъ съ Востока, который долженъ просвѣтить всѣ народы Запада. Но свѣтъ этотъ, долженствующій покорить весь міръ, выражается исключительно въ потокѣ словъ, вывѣтрившихся и опошлившихся, вродѣ «безъ аннексій и контрибуцій», «самоопредѣленіе народовъ» и т. п. Все это самодовольное пусто-

словие уже полгода деморализует и разлагает русский народ и русскую армию. Интернационализм на русской почве есть вывернутый наизнанку германский национализм или национализм инородцев, населяющих Россию. Но по свойственной русским пассивности и по характерной для русских одержимости многие русские переживают этот интернационализм, как русский революционный мессионизм. Этот революционный мессионизм нанес уже тяжелые раны русской национальной душе и национальному телу. Революционное самонравие унизило Россию и утеснило русский народ, подчинив его чуждым началам. Революция больно ударила по русскому национальному чувству и многие уродливые явления ее должны вызвать здоровую реакцию инстинкта национального самосохранения и инстинкта национального творчества.

В России должна наконец образоваться здоровая национальная демократия с сильным инстинктом национального самосохранения, с глубоким чувством связи с прошлым русской истории, с широким базисом в народной массе, с решительным социальным реформизмом в своей программе. Национальная демократия будет иметь органическую связь с подлинным русским народом и будет выражать его духовный облик. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не об обще-национальном, как теперь любят выражаться, а об национально-русском демократическом течении. От роста и кристаллизации такого течения в значительной степени будет зависеть будущее России. В наших политических и социальных группировках есть зияющая пустота, которая должна быть наконец заполнена. Там, где должно народиться новое течение, там—самая важная, самая центральная, самая острая почва русской жизни. В той точке, в которой народится национальная демократия, пробудится русская народная стихия. Нужно наконец признать, что все наши партии в значительной степени представляют фикции и за ними скрыто все же не то, что они выставляют в своих лозунгах. Русской народной основы в конце-концов нет ни в одной из наших партий. Но многие из них спекулируют на темных народных инстинктах и на самых грубых интересах минуты. Поразительно, что в существующих группировках нет группировки наиболее реальной и существенной, которая должна была бы составлять ядро всего будущего России, нет национальной, русской группировки. Русское оказалось забытым и затертым в России в момент великого исторического перелома. Революционную стихию эксплуатируют для негусских целей, враждебных нашей национальной личности.

Государство-российское объемлет много национальностей и существует оно не только для русских, но и для всех населяющих ее народностей. Но русская и даже точнее великорусская национальность составляет то крепкое и мощное ядро, которое создало русское государство и русскую культуру, она есть субъект русской истории. Вокруг этого ядра нарастало и расширялось все многоплеменное государство наше. Русский народ излучал вокруг себя энергию, которая государственно и культурно объединяла и образывала великое целое. Он покорял другие национальности не насильем только и войнами, но и своим великим языком, своей

великой литературой, перед которой склоняются даже те народности, которые хотели бы отдлиться от русского государства и изрыгают хулу на русское племя. Русская культура оказалась той высшей культурой, которая приобщала более слабые и отсталые расы России к высшей духовной жизни, а могущественное и огромное русское государство защищало многие народности и давало им формы государственного бытия. Было бы вопиющей несправедливостью разсматривать великодержавный народ русский, как насильника и утеснителя, и отождествлять его роль с насильнической политикой старой власти.

II.

Нельзя понимать формально принцип самоопределения народов. Это самоопределение должно быть соразмерено с реальным весом, с духовной и материальной силой народов. И вот силу и вес русской национальности нельзя сравнивать с силой и весом других национальностей, населяющих Россию. Поистине русская национальность есть царственная и господствующая национальность. У русского народа есть избыточная сила, которой он должен не утеснять, а одарять все другие народы России, давая им защиту своего огромного государства, блага своего огромного хозяйственного организма и ценности своей духовной культуры. Нельзя допустить того поношения русского народа со стороны всех инородцев, которое замечается в эпоху революционного кризиса. В прошлом русский народ был не только утеснителем, как хотят теперь представить, он был и подателем благ, он приобщал мелкие народы к великой исторической жизни. И вот в момент великого исторического перелома само существование русской национальности подвергается сомнению, она оказалась не организованной и даже право ее на организованность отрицается. Русское национальное сознание поражено болельно и ослаблено. Русские слишком привыкли быть под официальной охраной и слишком всегда возлагались на городовое. Одни были очень довольны тем внешне привилегированным положением, которое создавалось для них властью, другие же стыдились быть русскими из-за этого привилегированного положения. Но русская энергия, русская самодѣятельность была подорвана и у тех, и у других. И вот, когда пала старая опека, когда сняты были городовые, то русский народ оказался совершенно дезорганизованным и слабым, он чувствует себя как бы чужим у себя на родине, в собственном государстве, на собственной земле. Все другие национальности недурно организованы, проявляют большую энергию и предъявляют непомерные притязания. Русская национальность существует лишь в качестве российского гражданства, в то время как другие национальности существуют и как организованные, отстаивающие себя национальности и как российское гражданство, т.-е. представлены с удвоенной силой. И это не может не повести к ослаблению русской национальности. Она повсюду оказывается представленной не пропорционально своему историческому значению. Русское государство, которое призвано служить русской идее в мире, может превратиться в обезцвеченное государство национальностей, и русская культура может сдѣ-

латься обезцвѣченной интернаціональной культурой, въ которой нельзя уже будетъ узнать русскаго духовнаго образа. Такое положеніе подвергаетъ опасности самое существованіе единой, великой Россіи съ единой неповторимой индивидуальностью и единой и неповторимой миссіей въ мірѣ. Русскіе слишкомъ тяжело расплачиваются за грѣхи старой власти. Въ русскомъ народѣ не хотятъ видѣть объединителя и творца, видятъ лишь насильника.

Въ свободной Россіи возникаетъ русскіи національный вопросъ, который былъ замутненъ насильнической національной политикой старой власти. Теперь можно уже и должно ставить этотъ вопросъ по существу, безъ всякой ложной моральной рефлексіи. Основной и неотложной представляется мнѣ организація русской національности, какъ того ядра, которое должно сохранить единство Россіи и создать возможность перехода къ новой жизни въ связи съ завѣтами русской истории. Въ важности этой задачи особенно убѣдили меня немногія засѣданія комиссіи по національнымъ вопросамъ кратковременнаго Совѣта Россійской Республики, которую можно было бы назвать комиссіей по раздѣлу Россіи. Русская національность имѣетъ свой единственный духовный обликъ, отразившійся въ русской религіозности, въ великой русской литературѣ, запечатлѣнный на всей русской культурѣ, и обликъ этотъ не можетъ исчезнуть изъ міра, не долженъ раствориться въ русскомъ интернаціонализмѣ, онъ нуженъ и цѣненъ для всего міра. Если у насъ не будетъ сознательной организаціи русской національности, которая подчинитъ себя великой идеѣ, то оскорбленное національное чувство, не просвѣтленное и ничѣмъ не руководимое, можетъ вылиться въ погромное и насильническое движеніе. Еврейскіе погромы и сейчасъ уже происходятъ и могутъ принять самыя безобразныя формы, позорящія русскій народъ. Здоровый націонализмъ ничего общаго не долженъ имѣть съ человѣконенавистничествомъ.

III.

Организованная и просвѣтленная національная демократія должна создать условія жизни, въ которыхъ возможно было бы содружество русскаго народа со всѣми населяющими Россію народами. Всѣ народы Россіи должны получить культурную автономію, но съ сохраненіемъ централизованнаго единства Великой Россіи. Русскій народъ не есть одинъ изъ народовъ, населяющихъ Россію, онъ и есть Россія, онъ придаетъ Россіи ея неповторимый обликъ. Россія не есть сборная страна, не есть соединеніе разныхъ національностей. Россія родилась въ мірѣ для осуществленія какой-то единой русской идеи. И въ этой великой и обширной идеѣ нѣтъ ничего утѣсняющаго и давящаго, она—благостна для всѣхъ народовъ русской земли и для всего человѣчества, въ ней есть универсальность. Но для того, чтобы русскій народъ могъ осуществить въ мірѣ идею, онъ долженъ быть силенъ, долженъ обладать могущественнымъ государствомъ, долженъ чувствовать себя единымъ народомъ и настоящимъ хозяиномъ своей земли. Движеніе, которое возникнетъ на почвѣ пробужденія русскаго сознанія, не можетъ быть по преимуществу движеніемъ господствующихъ, имущихъ классовъ, оно должно идти вглубь народной Россіи. Не можетъ

оно быть и по преимуществу интеллигентскимъ движеніемъ, хотя во главѣ его должна стоять національная интеллигенція,—носителница національнаго разума и національной совѣсти.

Национальной партіи у насъ не существуетъ, хотя есть элементы, изъ которыхъ она могла бы образоваться. За неимѣніемъ национальной партіи эту роль у насъ исполняетъ партія народной свободы. Но партія эта не имѣетъ въ себѣ национальной сущности и лишена народнаго базиса. Она слишкомъ для этого академична. Это—государственная партія и національной она стала въ силу внѣшнихъ условий войны и революціи по политической своей тактикѣ. Партія народной свободы не столько національна, сколько общенациональна. Она национальна въ русскомъ, а не русскомъ смыслѣ этого слова. И еще нужно сказать, что партія эта—очень демократична по своей программѣ, но недостаточно демократична по своей психологіи, она не входитъ въ толщу народной жизни, не затрагиваетъ никакихъ сердечныхъ струнъ въ народной душѣ. Я признаю заслуги этой партіи за эти тяжелые мѣсяцы, ея стойкость, ея высокій интеллектуальный уровень. Но причину слабости этой наиболѣе организованной и наиболѣе отстаивающей государственно-национальную политику партіи нужно искать въ отсутствіи широкой и крѣпкой народной, национальной основы. Такія выраженія, какъ «лѣвѣе» или «правѣе» кадетовъ представляются мнѣ пошлыми и пустыми, въ словахъ этихъ нѣтъ ничего существеннаго и реальнаго. Пора бы уже намъ освободиться отъ власти словъ и перейти отъ поверхностности всякаго движенія («влѣво» и «вправо») къ движенію вглубь, гдѣ «лѣвость» и «правость» теряетъ всякій смыслъ. Но по поверхностной и условной терминологіи та національная демократія, о которой я говорю, будетъ «лѣвѣе» кадетовъ по своей связи съ народной массой и по своей социальной программѣ, включающей элементы реформаторскаго социализма, и въ то же время «правѣе» кадетовъ по своему рѣзко национальному характеру, по признаку іерархическаго начала, по своей связи съ историческимъ прошлымъ Россіи, такъ какъ будетъ заключать въ себѣ элементы консервативной связи времени и почитаніе религіозныхъ и національных завѣтовъ отцовъ. Образование истинной національной демократіи въ Россіи предполагаетъ совсѣмъ другую духовную почву, совсѣмъ иное міросозерцаніе, чѣмъ то, которое господствуетъ въ нашихъ интеллигентскихъ кругахъ и навязывается народнымъ массамъ. Революционное міросозерцаніе не можетъ не быть поверхностнымъ, оно всегда лишено глубокой духовной почвы. Революціонизмъ можетъ быть лишь моментомъ, онъ не можетъ быть длительнымъ состояніемъ. И въ самой первоосновѣ революціонной демократіи лежитъ ложное предположеніе, что возможна и желанна перманентная революціонность и что революціонность является творческимъ началомъ. Но новая демократія должна наконецъ преодолѣть революціонность и превратиться въ творческую національную демократію. Это будетъ побѣда началъ организующихъ и созидательныхъ надъ началами дезорганизующими и разрушительными. Национальная демократія должна имѣть другія духовныя основы, чѣмъ тѣ, на которыхъ покоятся всѣ наши партіи, и основы эти могутъ быть лишь религіозными.

Николай Бердяевъ.

МИРЪ.

Статья Бориса Кремнева.

Тайные договоры опубликованы. Оказывается, буржуазныя правительства проклятой Англии, безстыдной империалистической Франціи и прочих коварныхъ нашихъ союзниковъ соглашались на то, чтобы Константинополь былъ не въ рукахъ благороднѣйшаго Гогенцоллерна, а въ рукахъ презрѣнной Республики Россійской.

Правительства союзныхъ державъ не забыли, оказывается, самоотверженныхъ подвиговъ нашей мужицкой арміи, которая геройски билась на поляхъ Польши, Галиціи и Восточной Пруссіи, спасая родину и независимость Франціи, Бельгіи и Сербіи. Какая гнусность! Не правда ли?

Вотъ она буржуазная дипломатія! Вотъ ея преступная политика! Эти тайные договоры оказались болѣе циничными, чѣмъ предполагалъ нашъ народный комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ.

Онъ думалъ, что правительства французской республики и другихъ союзныхъ демократій не посмѣютъ мечтать объ умаленіи срединной имперіи, претендующей на мировое господство. Но они посмѣли! Они вовсе не желали, чтобы созданная Бисмаркомъ воинствующая держава распоряжалась судьбою міра.

Съ такою наглостью французской республики не можетъ примириться честный пролетарскій разумъ батрацкихъ депутатовъ.

Батрацкіе депутаты разсуждаютъ совсѣмъ не такъ. Они чрезвычайно миролюбивы. Они презираютъ подобную политику. Они хотятъ мира! Вождѣннаго мира, демократическаго, социалистическаго, безъ Константинополя, безъ аннексій и контрибуцій! Они хотятъ батрацкаго мира. Батраки всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Злые языки увѣряютъ, что народные комиссары хотятъ сепаратнаго мѣра или, какъ говорятъ простодушные солдаты, мира похабнаго. Но кто этому повѣрить? Никто.

Развѣ станетъ народный комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ разговаривать съ буржуазными правительствами? Онъ можетъ разговаривать только съ самыми лѣвыми и съ самыми непримиримыми социалистами. Обыкновенные социалисты во Франціи, Англии, Италіи, Бельгіи, Сербіи всѣ похожи на буржуа Плеханова, у котораго въ квартирѣ коммунисты-матросы искали гидру контръ-революціи.

Такая же гидра находится въ Парижѣ, въ Лондонѣ и вездѣ, гдѣ европейскіе социалисты не догадались поучиться уму разуму у кронштадтскихъ матросовъ.

Гидра имѣется вездѣ. Она переплыла океанъ и засѣла въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Но русскіе коммунисты не позволяютъ шутить съ собою. Они проучаютъ Европу и проткнутъ копьемъ проклятую гидру.

Для этого есть прямой путь—прежде всего надо заключить миръ съ Германіей. А какъ его заключить? Очень просто. Для этого надо немедленно объявить

войну русскому Верховному Главнокомандующему, надо двинуть славный петербургскій гарнизонъ подъ Гатчину, разстрѣлять въ Москвѣ соборы и Кремль и такъ далѣе, и такъ далѣе—однимъ словомъ, чтобы заключить миръ съ народомъ германскимъ, надо вести войну съ русскимъ народомъ.

«Вы надъ нами смѣетесь, я вижу»—говоритъ мнѣ народный комиссаръ и грозитъ пальцемъ: «Я, конечно, могу васъ арестовать и закрыть ваше *Народоправство*, какъ я каждый день закрываю дерзкія и мятежныя газеты, но я великодушень и пока спрашиваю васъ: неужели вы не понимаете, что мы воюемъ противъ буржуазіи, а не противъ русскаго народа? И миръ мы будемъ заключать не иначе, какъ по соглашенію съ пролетаріатомъ всѣхъ странъ».

Подкупленный великодушіемъ народнаго комиссара и сообразивъ, что мои интересы совпадаютъ совершенно съ интересами европейскаго пролетаріата, я вдругъ почувствовалъ, что сознание мое проясняется. Какъ я былъ наивень, въ самомъ дѣлѣ! Богъ съ нимъ, съ буржуазнымъ Успенскимъ Соборомъ. Война, вѣдь, невыносима и безобразна. Я немало видѣлъ ужасовъ на фронтѣ и знаю, что такое нѣмецкіе газы. Пусть даже по ошибкѣ здѣсь, въ Россіи, товарищи убьютъ вмѣсто буржуа кое-кого изъ моихъ братьевъ-пролетаріевъ, зато будетъ миръ. Да какой миръ! Пролетаріи всѣхъ странъ заключаютъ его безъ аннексій и контрибуцій. Воскреснетъ Польша и воссоединится польскій народъ съ познанскими братьями! Возродится Сербія и станетъ свободной Герцоговина! Мадыары не будутъ угнетать славянъ! И прусскіе аграріи не будутъ душиить своихъ батраковъ! Да здравствуетъ социалистическій рай!

Товарищъ комиссаръ! Скорѣе за дѣло. Протяните руку товарищу Либкнехту. Стѣны его тюрьмы уже пали. Онъ вмѣстѣ съ вами и со мною наладитъ братство народовъ.

Товарищъ комиссаръ! Я—вашъ. Среди васъ такъ мало грамотныхъ. А я грамотный. Я буду служить вамъ вѣрно. Зачѣмъ вамъ приглашать на службу бывшихъ приставовъ, погромщиковъ, воровъ, черносотенцевъ, провокаторовъ и нѣмецкихъ лейтенантовъ. У меня получше цензъ. У меня руки не запачканы въ крови моихъ братьевъ; царское правительство не любило меня, потому что я говорилъ ему всю правду, какъ говорю сейчасъ ее вамъ; я сидѣлъ въ семи русскихъ тюрьмахъ, но я не совершалъ уголовныхъ преступленій, увѣряю васъ; я, наконецъ, образованъ и даже прочелъ своевременно всѣ три тома «Капитала». Я пригожусь вамъ, комиссаръ.

Только не медлите, пожалуйста. Товарищъ Либкнехтъ нетерпѣливо ждетъ васъ. Почему у васъ такая кислая физиономія, товарищъ народный комиссаръ? Что это у васъ въ рукахъ? Не декретъ ли? Мнѣ очень по вкусу ваши декреты. Теперь у меня будетъ земля. До сихъ поръ у меня, кромѣ чернилъ и пера, не было орудій производства. Теперь у меня будетъ кое-что.

Чтобы вы там ни устроили—национализацию, социализацию, муниципализацию,—но собственнику-мужичку придется со мною подѣлиться землею. Я такъ васъ понимаю. За квартиру мнѣ не придется платить, ибо завтра вы издадите щедрый декретъ о национализации городскихъ домовъ. Банки? Чортъ съ ними. Тамъ у меня ничего никогда не лежало. Говорятъ, что рухнетъ все хозяйство страны, если вы похозяйничаете такъ недѣльки двѣ-три въ этихъ самыхъ банкахъ. Чудаки, не понимаютъ, что мы съ вами готовимъ социализмъ и потому какое намъ дѣло до буржуазнаго хозяйства!

Однако, что это у васъ въ рукахъ, Ваше Величество? Виновать, товарищъ... Я забылъ, что вы не самодержецъ... Это я по ассоциации: вспомнилъ кое-что историческое. Итакъ, что же у васъ въ рукахъ, господинъ народный комиссаръ? Протоколъ? «Протоколъ 13 ноября 1917 года». Шнеуръ, Сагаловичъ, Меренъ... Это что за люди? «Протоколъ о перемирии». А! Вотъ оно что! Запомните, граждане, эти священные имена. Эти люди ведутъ переговоры о мирѣ съ врагами России отъ лица великаго народа русскаго. И они, эти Шнеуръ, Сагаловичъ и Меренъ, не только представители Великой России, но, конечно, прежде всего представители революціоннаго пролетаріата російскаго, высоко поднявшаго знамя всемірнаго социализма. Запомните эти имена, граждане.

Съ кѣмъ же они будутъ вести переговоры? Очевидно, тоже съ представителями пролетаріата германскаго. Имя! Имя! Назовите имя этого честнаго нѣмецкаго рабочаго, который протянулъ, наконецъ, свою братскую руку. Пусть поэты прославятъ этого блузника, который несетъ намъ вѣсть о правдѣ всемірнаго социализма.

И я жадно приникъ къ протоколу, съ которымъ были у меня связаны надежды на демократическій всеобщій миръ.

«Насъ официально принялъ дивизионный генераль-

гофмейстеръ въ походно-парадной формѣ при высшихъ германскихъ орденахъ, звѣздахъ и лентѣ, окруженный чинами штаба»...

Это что такое? Зачѣмъ же честный нѣмецкій товарищъ нарядился гофмейстеромъ? Что за вздоръ! Вы изволите шутить, господинъ народный комиссаръ? Съ кѣмъ же ведутъ переговоры Шнеуръ, Сагаловичъ и Меренъ?

Но комиссаръ не удостоилъ меня отвѣтомъ. Онъ, ухмыляясь, протянулъ мнѣ другую бумажку.

Это была официальная радиотелеграмма господамъ «народнымъ» комиссарамъ за подписью статсъ-секретаря фонъ-Кюльмана. «А Либкнехтъ? Гдѣ же Либкнехтъ?»—воскликнулъ я, недоумѣвая.

Увы! Изъ радиотелеграммы было ясно и очевидно, что переговоры о мирѣ ведетъ кто-то другой, а совсѣмъ не Либкнехтъ.

Германскій канцлеръ графъ Гертлингъ не постыдился доложить покорному рейхстагу о плодахъ имперской политики на Востока.

Меня обмануль народный комиссаръ! Не съ рабочими всѣхъ странъ, а съ прусскою «буржуазною сволочью» ведутъ сейчасъ переговоры господа, именующіе себя «народными комиссарами».

А я-то, наивный, мечтаю о всеобщемъ демократическомъ мирѣ, предлагалъ свои услуги правительству російскихъ коммунистовъ.

Фонъ-Кюльманъ, Шнеуръ, графъ Гертлингъ, Брокштейнъ, Сагаловичъ, Гинденбургъ, Меренъ—вотъ кѣкіе социалисты ведутъ сейчасъ переговоры... О чемъ? О мирѣ?

Нѣтъ, ужъ подожду итти на службу къ правительству «народныхъ» комиссаровъ. Они что-то слишкомъ подобострастно разговариваютъ съ прусскимъ гофмейстеромъ и слишкомъ поторопились отдать въ руки убійцамъ Верховнаго Главнокомандующаго арміи русской.

Борисъ Кремневъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКАГО ЗЕМСТВА.

Статья проф. М. Н. Соболева.

Съ коренной реформой земскаго самоуправления, проведенной Временнымъ Правительствомъ, и составъ земскихъ дѣятелей, и предѣлы компетенціи земскихъ учреждений, и права земства въ корнѣ измѣнились. Земство получило полную самостоятельность, въ земствѣ получило свое представительство все население территории земства, земство охватило въ своей дѣятельности всѣ стороны мѣстной жизни.

Въ особенности интересно расширение полномочій земства въ области хозяйственной жизни, которая входила до сихъ поръ въ кругъ вѣдѣнія земства въ довольно ограниченныхъ рамкахъ. Помимо прежнихъ функций по обеспеченію продовольствія населенія, по содержанію дорогъ, земской почты и по завѣдыванію земскимъ страхованіемъ, законъ 9 іюня 1917 года по-новому формулируетъ компетенцію земства въ области экономической политики. Положеніе о земскихъ учрежденияхъ 1892 г. возлагало на земства «воспособленіе зависящими отъ

земства способами мѣстному земледѣлію, торговлѣ и промышленности, заботы объ охраненіи полей и луговъ отъ порчи и истребленія вредными насекомыми и животными» (ст. II, пунктъ 11-й). Новый законъ формулируетъ эти задачи гораздо шире и полнѣе относя къ компетенціи земства «мѣропріятія, направленныя къ поднятію экономического благосостоянія населенія, а также къ производству меліоративныхъ работъ по осушенію, обновленію, облѣсенію, укрѣпленію овраговъ, сыпучихъ песковъ и расчисткѣ рѣкъ для сплава; воспособленіе зависящими отъ земства способами мѣстному сельскому хозяйству, торговлѣ и промышленности; надзоръ за правильнымъ производствомъ торговли; ближайшій надзоръ за примѣненіемъ въ торговлѣ и промышленности законныхъ мѣръ и вѣсовъ; устройство общественныхъ учреждений мелкаго кредита и коопераціи; устройство элеваторовъ, холодильниковъ, складовъ машинъ, сѣмянъ, удобрительныхъ веществъ и ку-

старныхъ складовъ; мѣропріятія по охранѣ полей, луговъ, лѣсовъ, садовъ и огородовъ отъ порчи вредными въ сельскомъ хозяйствѣ насѣкомыми и животными и по борьбѣ съ сорной растительностью и т. п.» (ст. II, пунктъ II). Кромѣ того въ новый законъ введенъ еще 13-й пунктъ, имѣющій въ виду заботы о рабочемъ классѣ: «охрана труда, устройство общественныхъ работъ, общественныхъ мастерскихъ, ночлежныхъ домовъ, биржъ труда и посредническихъ конторъ по присканію работы, а также завѣдываніе этими учрежденіями» и пунктъ 16-й: «попеченіе объ устройеніи переселенческаго дѣла въ мѣстахъ выхода и вселенія переселенцевъ».

Приведенными пунктами намѣчается широкая экономическая политика обновленнаго земства.

Въ дальнѣйшемъ мы хотѣли бы остановиться на тѣхъ сторонахъ земской дѣятельности, которая связана съ обслуживаніемъ нуждъ мѣстной торговли и промышленности и которая до сихъ поръ почти отсутствовала въ программахъ даже наиболѣе дѣятельныхъ и прогрессивныхъ земствъ. Въ области экономики вниманіе земствъ поглощалось сельскимъ хозяйствомъ, въ то время какъ торгово-промышленная жизнь оставалась совершенно на заднемъ планѣ.

Такое одностороннее направленіе земской экономической политики, конечно, неправильно. Для каждой мѣстности въ высокой степени важно всемѣрное развитіе всѣхъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя имѣютъ техническія и хозяйственныя данныя для развитія. Дѣло въ томъ, что всякая новая отрасль промышленности, получившая корни въ извѣстномъ уѣздѣ или губерніи, даетъ возможность разработать мѣстнаго сырья, усиливаетъ на него спросъ и поднимаетъ на него цѣны. Далѣе она даетъ заработки всѣмъ тѣмъ мѣстнымъ жителямъ, которые получаютъ приложеніе рукъ въ новыхъ промышленныхъ предпріятіяхъ въ качествѣ рабочихъ и служащихъ. Существованіе промышленнаго населенія создаетъ новый спросъ на сельскохозяйственные продукты и покрываетъ потребность населенія въ промышленныхъ издѣліяхъ. Вообще, чѣмъ развитѣе въ данной мѣстности промышленность, тѣмъ болѣе повышается общій тонусъ хозяйственной жизни края.

Эти соображенія требуютъ, чтобы земство вышло изъ своего пассивнаго отношенія къ промышленности и вошло активнымъ факторомъ промышленнаго развитія своей мѣстности. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи является разработка общаго плана промышленныхъ возможностей края, выработка плана поощренія опредѣленныхъ отраслей обрабатывающей и добывающей промышленности. Въ исторіи образованія нашихъ промышленныхъ центровъ крупную роль сыграли обстоятельства, не вытекающія изъ принципа наибольшей рациональности размѣщенія промышленности по странѣ. Такъ, текстильная промышленность создавалась вокругъ Москвы въ силу того, что Москва явилась объединяющимъ центромъ всей политической и хозяйственной жизни Московской Руси. Когда оказалось, что центры топлива и сырья лежатъ на тысячи верстъ отъ Московскаго района, тамъ уже исторически сложилась крупная промышленность, переносить которую въ другія мѣста было уже невозможно. Возьмемъ съ другой стороны промышленность Прибалтійскаго побережья, которая почти цѣликомъ выросла на возможности привоза сырья и топлива изъ-за границы

въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда этотъ привозъ еще поощрялся таможеннымъ тарифомъ. Создались отрасли русской промышленности на искусственномъ и не надежномъ фандументѣ иностраннаго сырья. Въ настоящую минуту война явилась для цѣлаго ряда промышленныхъ предпріятій и даже отраслей промышленности тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, который заставилъ ихъ передвинуться изъ мѣстъ, лишенныхъ собственного сырья и топлива, въ мѣстности, болѣе рациональныя въ промышленномъ отношеніи. Но и сейчасъ эта передвижка совершается недостаточно продуманно и планомѣрно и часто обусловливается случайными обстоятельствами.

На земствѣ лежитъ обязанность придать этому стихійному и случайному процессу возникновенія новыхъ промышленныхъ предпріятій болѣе рациональный и планомѣрный характеръ. Земство должно обследовать территорію своего вѣдѣнія, выяснить ея естественныя ресурсы и сообразно этимъ послѣднимъ намѣтить желательныя въ мѣстности отрасли промышленности. Такъ, тамъ, гдѣ имѣются залежи желѣзной руды, должны быть создаваемы желѣзодѣлательныя заводы и фабрики по выдѣлкѣ металлическихъ издѣлій, гдѣ имѣются залежи тѣхъ или иныхъ сортовъ глины, цѣлесообразно устраивать гончарныя, фарфоровыя и т. п. заводы, гдѣ много лѣсовъ, необходимо основывать целлюлозныя фабрики, предпріятія по выдѣлкѣ скипидара и другихъ продуктовъ перегонки дерева, лѣсопильныя заводы и предпріятія по переработкѣ дерева въ издѣлія.

По выясненіи экономическихъ перспективъ для опредѣленныхъ отраслей промышленности въ данной мѣстности земство должно принять практическія мѣры по осуществленію новыхъ предпріятій по этимъ отраслямъ. Для этого оно должно содѣйствовать самой организациі новыхъ предпріятій путемъ привлеченія предпринимателей и облегченія образованія акціонерныхъ компаній, должно предоставлять налоговыя и иныя льготы для начальнаго періода дѣятельности новыхъ предпріятій. Земство должно помогать новымъ предпріятіямъ оказаніемъ кредита изъ земскихъ банковъ. Наконецъ, земства должны облегчать новую промышленность созданіемъ улучшенныхъ путей сообщенія, такъ какъ только при обеспеченныхъ путяхъ сообщенія можетъ правильно функционировать промышленное предпріятіе.

Точно также на земствѣ лежитъ обязанность поддерживать и развивать кустарную промышленность. И здѣсь прежде всего для каждаго промысла долженъ быть рѣшенъ вопросъ объ экономической его цѣлесообразности. Исторія земскихъ мѣропріятій въ этой области показываетъ, что нерѣдко земства поддерживали такіе промыслы, которые по экономическимъ и техническимъ условіямъ были неспособны къ существованію, напр., промыслы, процессъ производства которыхъ уже приобрѣлъ машинный характеръ. Въ каждомъ районѣ имѣются свои кустарные промыслы, связанные съ наличностью сырья, съ укоренившимися навыками населенія, съ сбытомъ и пр. Земство должно учесть всѣ эти факторы и опредѣлить тѣ промыслы, которымъ оно будетъ оказывать содѣйствіе. Для этихъ промысловъ оно разовьетъ тотъ арсеналъ мѣропріятій, который уже выработанъ въ практикѣ старыхъ земствъ и полно обнимаетъ земскія задачи въ этомъ дѣлѣ. Весьма желательно не только поддерживать существующіе промыслы,

но и вызывать к жизни отсутствующие, но имѣющие шансы к развитию. Какъ извѣстно, земства въ области кустарной промышленности устраиваютъ учебныя мастерскія, заводятъ инструкторовъ, образуютъ склады сырыхъ матеріаловъ для выдачи кустарямъ, создаютъ склады кустарныхъ издѣлій для ихъ продажи оптомъ и въ розницу, принимаютъ на себя посредничество по приему поставокъ на кустарныя издѣлія, организуютъ кредитъ.

Для земства представляется возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ устраивать самостоятельныя промышленныя предприятия. Какъ общее правило, можно признать, что земство, не имѣя въ своемъ распоряженіи органовъ коммерческаго, дѣлового характера, не должно вести собственныхъ хозяйственныхъ предприятий. Однако иногда отъ этого принципа возможны отступленія. Такъ, для земства можетъ явиться необходимость гарантировать себя снабженіемъ какимъ-либо предметомъ для земскихъ нуждъ, такъ какъ въ данномъ районѣ нѣтъ предприятий, вырабатывающихъ его. Таково устройство земскаго кирпичнаго завода, завода огнеупорныхъ издѣлій. Затѣмъ для земства можетъ оказаться выгодно завести собственное предприятие, доставляющее нужные продукты или матеріалы земскимъ учрежденіямъ, чѣмъ пользоваться услугами частныхъ лицъ. Таково устройство земской каменноугольной копи, земской мукомольной мельницы, земской пекарни.

По новому закону на земство возложено попечение объ охранѣ труда. Отсюда возникаетъ для него обязанность изданія обязательныхъ постановленій по части охраны наемнаго труда въ промышленныхъ и иныхъ предприятияхъ, а также по содержанію промышленныхъ предприятий въ санитарномъ отношеніи. Для регулированія спроса и предложенія рабочей силы земство должно взять въ свои руки устройство бюро труда. Весьма желательно, чтобы земство приняло на себя организацію яслей въ промышленныхъ районахъ для обезпеченія дѣтей на время отсутствія ихъ родителей изъ дома.

Что касается торговой политики, то и здѣсь земства не могутъ оставаться пассивными зрителями совершающагося торговаго процесса, а должны установить свои точки зрѣнія на развитіе торговли и принимать опредѣленныя мѣры для ихъ проведенія въ жизнь.

Торговая политика земства распадается на двѣ части: мѣры въ области внутренней торговли и въ области внѣшней торговли.

Во внутренней торговлѣ опять-таки на первомъ планѣ стоитъ идея рационализаціи ея, стремленіе создать такой торговый аппаратъ, который осуществялъ бы цѣли торговаго посредничества съ наибольшей экономіей силъ и средствъ. Возьмемъ, напр., хлѣбную торговлю. Въ Россіи она до сихъ поръ носитъ совершенно хаотическій и неорганизованный характеръ, несмотря на то, что уже давно обсуждается вопросъ о ея реформѣ и даже сдѣланы отдѣльные шаги по ея упорядоченію. Между тѣмъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Канады и др. странъ показываетъ, какъ можетъ быть усовершенствовано дѣло хлѣбной торговли при осуществленіи законченной ея организаціи. Вездѣ это дѣло опирается на связанную и объединенную сѣть элеваторовъ и зернохранилищъ, въ которые зерновой хлѣбъ стекается, очищается, обезличивается и клас-

сифицируется и изъ которыхъ онъ планомѣрно отправляется на рынокъ. Созданіе сѣти связанныхъ между собой элеваторовъ есть очередная задача въ Россіи, и земствамъ предстоитъ въ ней принять самое дѣятельное участіе. Другой срочный вопросъ—устройство по странѣ холодильниковъ въ связи съ упорядоченіемъ перевозокъ скоропортящихся товаровъ. Для обезпеченія сохранности этихъ товаровъ есть одинъ путь—транспортъ ихъ въ охлажденномъ видѣ, для чего и служатъ холодильники и вагоны-ледники. Въ этомъ дѣлѣ земства могутъ дать толчекъ цѣлымъ новымъ отраслямъ мѣстнаго хозяйства. Такъ, устройство холодильниковъ для храненія битаго свиного мяса, можетъ создать среди крестьянъ промыселъ выкармливанія свиней для отправки въ Англию любимаго тамъ бэкона. Возможность храненія яицъ и масла обезпечить нашимъ земледѣльцамъ болѣе выгодный сбытъ этихъ продуктовъ за границу. Для непортящихся товаровъ возможно устройство земствомъ обычныхъ товарныхъ складовъ, куда направлялись бы мѣстные товары для храненія. Производители получили бы возможность выждать выгодныхъ цѣнъ на рынокѣ и кредитоваться подъ хранимые товары. Не приходится останавливаться на устройствѣ земствами своихъ складовъ сельскохозяйственныхъ машинъ, желѣза, сѣмянъ, учебныхъ пособій и книгъ и пр. Все это уже практиковалось старыми земствами и оправдано опытомъ прошлаго. Земство принимаетъ на себя функцію торговца для обезпеченія доступности и дешевизны тѣхъ товаровъ, въ которыхъ населеніе испытываетъ особыя затрудненія и наибольшую нужду.

На земствѣ лежитъ обязанность не только активнаго содѣйствія торговому обороту, но и контроль за существующей торговлей. Земство должно предохранять мѣстное населеніе отъ злоупотребленій торговцевъ. Отсюда на него возлагается контроль за употребляемыми въ торговлѣ мѣрами и вѣсами, надзоръ за качествомъ продаваемаго зерна и его незасоренностью, за качествомъ масла, мяса и другихъ продуктовъ. Земство для осуществленія этого контроля должно имѣть свои лаборатории, куда обращались бы не только его собственные органы, но и частныя лица для производства изслѣдованій товаровъ.

Другая область земской торговой политики—внѣшняя торговля. Конечно, отдѣльныя земства не могутъ вести никакой внѣшней торговой политики, находящейся въ рукахъ центрального правительства. Но на нихъ лежитъ обязанность выясненія нуждъ населенія по вопросамъ внѣшней торговой политики, выработка пожеланій въ этой области съ точки зрѣнія интересовъ мѣстнаго населенія и ходатайства по этимъ пожеланіямъ передъ правительствомъ. До сихъ поръ по странному недоразумѣнію, вопросы внѣшней торговой политики лежали внѣ кругозора нашихъ земскихъ учрежденій. Между тѣмъ эти вопросы очень чувствительно задѣваютъ интересы мѣстныхъ жителей. Таможенныя пошлины иностранныхъ государствъ на наши земледѣльческіе и иные продукты влекутъ за собой пониженіе продажныхъ цѣнъ, что умалываетъ доходы населенія. Торговые трактаты, измѣняющіе размѣры таможенныхъ ставокъ и заключаемые Россіей съ другими державами, отражаются точно также на выручаемыхъ цѣнахъ и на доходахъ русскихъ производителей. Съ другой стороны таможенное обложеніе ввозимыхъ въ Рос-

«сію иностранныхъ товаровъ опредѣляетъ цѣну этихъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ и весьма существенно для бюджетовъ потребителей. Мы знаемъ, какъ много копій было сломлено по поводу, напр., обложенія таможенными пошлинами ввозимыхъ сельскохозяйственныхъ орудій, химическихъ удобрений, металловъ.

Земство, представляя населеніе известной округи, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ внѣшней торговой политикѣ, которая вліяетъ на доходы и расходы этого населенія. Оно должно выяснитъ тѣ стороны торговой политики, въ которыхъ мѣстное населеніе заинтересовано и установить на нихъ опредѣленные точки зрѣнія. Только въ самые послѣдніе годы нѣкоторыя земства сдѣлали первые шаги въ этомъ направленіи. Такъ, Казанское земство образовало особую комиссію по разработкѣ вопросовъ внѣшней торговой политики, рядъ южныхъ земствъ дѣлалъ ассигнованія по нѣсколькимъ сотамъ рублей въ годъ на работы Харьковскаго областного комитета по пересмотру торговыхъ договоровъ учрежденнаго при Харьковскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Но какъ всеобщая земская задача, разработка проблемъ внѣшней торговой политики до сихъ поръ не поставлена въ ряду основныхъ работъ земствъ. Этотъ пробѣлъ долженъ быть, во что бы то ни стало, заполненъ. Ибо передъ нами въ ближайшемъ будущемъ встанутъ вопросы внѣшняго товарообмѣна огромной сложности и важности. Достаточно указать на необходимость выяснитъ возможные экспортные товары Россіи изъ разныхъ мѣстностей и возможные рынки сбыта ихъ, такъ какъ нашему отечеству придется покрывать своимъ экспортомъ колоссальную заграничную задолженность и усиленный ввозъ ино-

страннаго сырья и издѣлій. Нужно имѣть въ виду, что съ окончаніемъ войны передъ Россіей встанетъ вопросъ о регулированіи ея торговаго обмѣна съ другими государствами, и земства не могутъ остаться безучастными этому дѣлу.

Мы намѣчали программу торгово-промышленной политики земствъ для будущаго времени, когда война закончится и жизнь вернется въ свои мирныя рамки. Въ настоящее время на земствѣ, такъ же, какъ и на центральномъ правительствѣ, на городскомъ самоуправленіи и другихъ общественныхъ организаціяхъ, лежатъ сложныя задачи временнаго характера по упорядоченію экономической разрухи, вызванной войной. Но эти задачи не имѣютъ характера стройно выработанной программы, исходящей изъ установленныхъ руководящихъ началъ, но вытекаютъ изъ обстоятельствъ момента. Если оказывается, что населеніе не обеспечено продовольствіемъ, то земству приходится, совмѣстно съ другими органами публичной власти, организовать дѣло полученія пищевыхъ средствъ отъ производителей и распредѣленія ихъ между потребителями. Если армія испытываетъ нужду въ продуктахъ производства, которые могутъ быть получены въ данной губернии, то земство получаетъ порученіе заказать эти продукты и собрать ихъ. Если является необходимость разработать планъ демобилизаціи хозяйства, то земства должны принять въ разработкѣ этого плана и его проведеніи въ жизнь самое дѣятельное участіе. Въ виду временнаго и исключительнаго характера такихъ мѣръ мы на нихъ не останавливаемся и не включаемъ ихъ въ программу торгово-промышленной политики, рассчитанной на мирное время и нормальныя условія экономической жизни.

М.Н. Соболевъ.

НЕПРОТИВЛЕНЦЫ.

Статья С. С. Кондурушкина.

На-дняхъ получилъ я черезъ редакцію письмо: «Милостивый государь, такой-то. У меня имѣется важное сообщеніе, котораго я, къ сожалѣнію, не могу сдѣлать въ печати по нѣсколькимъ причинамъ... Чтобы мнѣ повѣрить, нужно кое-что видѣть. А показать это я могу только у себя на квартирѣ вечеромъ отъ семи до девяти часовъ ежедневно.

«Самъ я явиться къ вамъ не могу по болѣзни. Поэтому покорнѣйше прошу васъ пожаловать ко мнѣ на квартиру. Съ совершеннымъ почтеніемъ докторъ медицины, приват-доцентъ такой-то».

Улица, номеръ дома, номеръ квартиры. Въ глухомъ углу Петроградской стороны, на углу неизвѣстныхъ переулковъ, которые я съ трудомъ отыскалъ на планѣ Петрограда.

Заглянулъ въ книгу «Весь Петроградъ». Дѣйствительно, подъ этими номерами живетъ докторъ медицины, приват-доцентъ такой-то. Но не правда ли, нѣсколько необычное и какъ будто таинственное письмо?

Читалъ друзьямъ—говорятъ: не ходите! Вчера здѣсь жилъ докторъ такой-то, а сегодня тамъ, можетъ быть, совсѣмъ иная практика... Время теперь смутное.

Рѣшилъ и я не ходить, но любопытство взяло верхъ. На другой день, въ восьмомъ часу вечера я пошелъ.

Вѣдь люди только не сознаются въ страхахъ. А страхи теперь часто овладѣваютъ нами и мучатъ—дѣтскіе страхи. И только потому, что потомъ совѣстно, никто не расскажетъ.

Шель я и боялся. Ну, я зналъ, что изъ ста—девяносто девять—все такъ и будетъ, какъ въ письмѣ описано. Но, вѣдь, одна-то сотая сомнѣнія все-таки у меня была!

А въ туманной темнотѣ ночи, на улицахъ потревоженнаго Петрограда одна сотая сомнѣнія быстро подавляетъ все сто долей разсудка и овладѣваетъ душой.

Съ трудомъ нашелъ я угловой домъ номеръ три-одинъ.

Въ первомъ подъѣздѣ вмѣсто швейцара оказалась косноязычная баба. Она даже имени такого доктора въ домѣ не слыхала. Развѣ не странно?

Второй подъѣздъ привелъ меня въ другой домъ. Швейцарь величественно указалъ черезъ плечо кругло загнутымъ большимъ пальцемъ:

— Это по сосѣдству будетъ.

Иду обратно. Захожу подъ ворота. На скамейкѣ, въ темнотѣ, закутавшись въ бараній тулупъ, лежалъ дворникъ. Отъ него разило незабываемымъ запахомъ китайца. Такъ оно и оказалось,—это былъ китаецъ. Но онъ ни слова не понималъ по-русски. Что за проклятый домъ!?

Пробѣжала мимо какая-то прислуга, приостановилась и услужливо объяснила: съ переулка вторая парадная.

Даже услужливость эта показалась подозрительной. Вѣдь, ужъ седьмой мѣсяцъ въ Россіи люди живутъ въ собачьемъ озлобленіи и взаимномъ страхѣ.

На углу передо мной вдругъ кто-то метнулся, бросился во тьму переулка и куда-то пропалъ. Въ напряженіи зрѣнія, и слуха, готовый всѣми мускулами къ самозащитѣ, я добрался до второго подъѣзда.

Былъ удивителенъ простой отвѣтъ швейцара:

— Да, здѣсь! Второй этажъ налѣво, квартира пятъ.

Стыдясь своихъ малодушныхъ страховъ и въ нѣкоторомъ разочарованіи я поднимался по лѣстницѣ.

Изъ передней я увидѣлъ часть приемной комнаты. Вдоль стѣны сидѣли люди: четыре женщины, трое мужчинъ. Это явно были люди—на приемъ у доктора. Ибо только въ приемной доктора люди сидятъ такими рядами съ выраженіемъ то-скливой обреченности и смертнаго страха.

— Я не по болѣзни,—говорю служанкѣ.—Мнѣ по дѣлу увидѣть профессора.

— Пожалуйте, пожалуйста,—повторила служанка.

И только перешагнув порог приемной, я увидѣлъ передъ больными въ креслѣ-качалкѣ комочекъ человѣческаго тѣла. Ноги и руки худы и недвижимы, лицо землистое, живые были одни только глаза. Это и былъ докторъ, написавшій мнѣ письмо.

— Вотъ отлично! Вы какъ разъ во-время пожаловали. Мы сейчасъ приступимъ къ лѣченію. Вы передъ собой видите больныхъ, какихъ теперь въ Россіи миллионы: навязчивые страхи, безволие, исхуданіе и раздражительность. Въдѣ теперь вся Россія страна больная...

Всякія душевныя и тѣлесныя потрясенія вызываютъ состояніе угнетенія. Люди теряютъ волю, память, становятся вялыми, безжизненными. Вообще у нихъ понижается сопротивляемость тѣла и духа.

Три года несчастной войны отразились на всемъ русскомъ народѣ, какъ потрясеніе (трамвы). И вся Россія находится въ состояніи великаго угнетенія духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Я назову это болѣзненнымъ *непротивленствомъ*.

— А восторгъ социализма? Большевики?—вставляю я.

— Это болѣзненное возбужденіе на почвѣ того же угнетенія. Это истерія—не больше.

И вотъ смотрите. Россія являетъ полную картину этой болѣзни: массовое исхуданіе людей даже при достаточномъ питаніи; гнѣвъ, страхъ, раздражительность, навязчивыя идеи владѣютъ массами. Лучшія чувства—сознаніе долга, отвѣтственности—заглохли. Иногда на короткое время удасться вынуть людскимъ массама поступки, отвѣчающіе общенароднымъ интересамъ, но этд кратковременно. Разительный примѣръ—наступленіе одиннадцатой арміи въ июлѣ мѣсяцѣ. Послѣ объѣзда фронта министромъ Керенскимъ армія перешла въ наступленіе и дралась, но вскорѣ безъ боя отдала позиціи и одни полки предавали другіе—товарищескіе полки.

Въ такомъ болѣзненномъ состояніи люди производятъ впечатлѣніе безжизненныхъ автоматовъ, дѣйствуютъ, какъ во снѣ. Чтобы вернуть такихъ людей къ жизни, нужно разбудить и заставить въ нихъ работать тѣло и духъ... Вотъ я и лѣчу такихъ людей *буженіемъ*. Это не гипнозъ не усыпленіе, а именно буженіе. Я обыкновенно заставляю больныхъ закрыть глаза, чтобы устранить разсѣянность и невнимательность. Затѣмъ я твердо и настойчиво приказываю проснуться внутренне и всѣ силы тѣла и духа сосредоточить на своихъ неурядицахъ. Эти силы работаютъ, чтобы неурядки устранить... Вотъ мы начнемъ, а вы посмотрите. Закройте глаза.

Больные усѣлись спокойно на стульяхъ, закрыли глаза. Голосомъ повелительнымъ и рѣзкимъ докторъ выкрикалъ:

— Я приказываю вамъ проснуться внутренне, сбросить съ себя всякую вялость, дремоту. Чувствовать въ себѣ всѣ неурядки. Работайте внутренне! Лучше чувствовать! Больше работать! Чувствовать себя отъ головы до пятокъ. Смѣйте работать!

Рядомъ со мной сидѣла дѣвушка съ матовымъ лицомъ и темными волосами. Черезъ полминуты она откачнулася головой, къ стѣнѣ и, новидимому, заснула. За ней—дѣвочка лѣтъ тринадцати; та сидѣла въ напряженіи и плотно сжимала вѣки. Третий отъ меня—рабочій лѣтъ пятидесяти, худой, рыжий; онъ склонилъ голову на грудь и моталъ ею въ тактъ не слышной музыки. Четвертая женщина, за сорокъ лѣтъ, худая, блѣдная; сидѣла прямо, точно внутренне къ чему-от прислушивалась въ самой себѣ. Пятый господинъ въ скрутокъ перегибался и сотрясался въ поясицѣ, откидывая въверху мясистое лицо и похрустывая шейными позвонками...

Покрикая приказанія—больше чувствовать, лучше работать!—докторъ продолжалъ развивать свои мысли.

— Наблюдайте надъ дѣтьми. Подразните инога ребенка, — онъ полѣзетъ на васъ съ кулачками. Другой—заплачетъ, третій побѣжитъ жаловаться мамѣ. И у народовъ выработались въ исторіи столь же разные характеры. Русскіи народъ—типичные плаксы и непротивленцы во всѣ времена исторіи; самые яркіе выразители послѣдней эпохи у насъ были два непротивленца: Николай второй и Левъ Толстой. Первый не противился злу государственнаго гнѣнія, былъ такъ сказать непротивленцемъ тѣлеснымъ. Левъ Толстой проповѣдывалъ это самое непротивленство и выражалъ духовную сущность русскаго народа.

Духъ русскихъ вообще очень восприимчивъ къ угнетающимъ воздѣйствіямъ. Условія нашей жизни, политической и общественной, скорѣе тоже угнетали, чѣмъ будили людей. Воспитаніе домашнее и школьное также не развивало стойкости. Естественно, война оказала именно на насъ свое особенно угнетающее дѣйствіе. И результатъ налицо: мы видимъ дикія и бессмысленныя дѣйствія народныхъ массъ, растерянность и отсутствіе рѣшительности у руководителей. Россію

нужно будить, постоянно подталкивать, ободрять и укрѣплять, какъ вотъ и этихъ больныхъ.

Въ такой средѣ развратится всякое правительство. Смотрите на европейцевъ въ колоніяхъ, какъ они тамъ жестоки! Что же они потеряли свою культуру, озвѣрѣли? Да нѣтъ, дома они такіе же, какъ и раньше, но среди дикарей они не встрѣчаютъ *сопротивленія*.

Вѣдѣ въ этомъ причина и нашего дурного паризма. Мы не шагнемъ сразу въ царство свободы и при всякой другой власти. Вѣдѣ *среда* останется та же самая, тотъ же народъ-кисляй, народъ-непротивленецъ, даже когда немного оправится отъ удара войны.

— Лучше чувствовать!—снова крикнулъ онъ больнымъ.— Больше работать! Смѣйте, сильнѣе. Исправляйте въ себѣ неурядки.

— Они спятъ?—спрашиваю я, все еще съ изумленіемъ всматриваясь въ слѣпыя лица больныхъ, слушая рѣзкіе окрики врача и стараясь охватить внутреннимъ зрѣніемъ событія русской смуты съ этой своеобразной точки зрѣнія.

— Нѣтъ, они обыкновенно не спятъ, они внутренне пробуждаются. Они сильнѣе чувствуютъ все свое тѣло. И съ перваго же сеанса по движеніямъ больного я узнаю, какіе неурядки въ его тѣлѣ. Вотъ смотрите, этотъ больной бьетъ себя по боку скользкимъ ударомъ локтя. У него былъ плевритъ. Вотъ этотъ загибаетъ назадъ голову—у него неурядки въ области, завѣдующей движеніями—малый *мозжечокъ*. У этого—болѣзнь толстыхъ кишекъ... Маточныя болѣзни выражаются въ своеобразномъ движеніи таза... Мухина, вы что чувствуете?

Дѣвушка не отвѣтила. Она спала.

— Рѣдкій случай глубокаго сна. Вѣроятно, она сегодня особенно больна. Но смотрите на нее, у ней появился на лицѣ румянецъ, она пополнила даже за пять дней, пока ко мнѣ ходить, повеселѣла. А пришла она—лицо темное и въ полномъ безсиліи, не хотѣла ни говорить, ни работать. Николаевъ, вы какъ себя чувствуете?

Николаевъ приподнял въ сладкой истомѣ глаза и взглянулъ на доктора мутнымъ взглядомъ.

— Въ ногахъ тепло и испарина...

— Такъ что вамъ хочется уйти отъ насъ?

— Да, хочется.

— Ну, работайте, работайте. Больше работать! Чувствовать себя отъ головы до пятокъ. Исправляйте ваши недостатки.

— Но какъ же съ вашей медицинской точки зрѣнія поступать съ Россіей? Вѣдѣ нельзя же весь народъ призвать на одинъ великій сеансъ!

— Я не имѣю удовлетворительнаго отвѣта на вашъ вопросъ. Конечно, въ государствѣ пробужденіе совершается строго отвѣтственной и согласованной общенародной дѣятельностью. Но происходитъ это медленно и трудно. Окружающая среда вотъ такихъ автоматовъ противодѣйствуетъ общественному пробужденію и тянетъ назадъ даже дѣятельныхъ. Однимъ словомъ, въ Россіи это подобно вылѣзанію изъ болота: не на что опереться. Про Германію я могу сказать, что ея ферейны—великая будущая общественная сила. Вечеръ проведенный нѣмцемъ въ своемъ собраніи, стоитъ такого сеанса у доктора. Тамъ такъ много взаимнаго подбадриванія, поддержки, буженія въ полномъ смыслѣ этого слова. У англичанъ огромную сопротивляемость народному тѣлу и духу даетъ спортъ. А мы—народъ кисляй по преимуществу. У насъ нѣтъ ничего въ общественности, за что можно было бы ухватиться обезволившему народу...

Въ частности про армію и даже про фабричныхъ рабочихъ я могъ бы сказать, что ихъ можно такъ же лѣчить, какъ вотъ я лѣчу... Сильнѣе работать, лучше чувствовать!.. И тутъ не надо никакихъ особыхъ знаній, это можетъ дѣлать со своей ротой каждый офицеръ. Пять минутъ ежедневно—и черезъ недѣлю люди становятся иными.

Я многимъ писалъ объ этомъ. И получилъ отвѣтъ отъ единственнаго человѣка. И этотъ человѣкъ былъ—верховный главнокомандующій генералъ Корниловъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ двадцать втораго августа, благодарилъ, писалъ, что приказалъ произвести опыты... Но, какъ извѣстно, двадцать седьмого августа совершились событія...

— Ну, довольно. Сейчасъ я буду васъ будить. По счету до пяти вполне проснитесь. Разъ, два, три, четыре... пять!

Больные одновременно открыли глаза, поправились въ сидѣньяхъ и смотрѣли другъ изъ друга изумленными глазами. Проснулася и Мухина.

— Вы заснули, Мухина?

— Да, у меня сильно болѣла голова. Я забылася.

— А теперь?

— Теперь прошло, мнѣ легче.

Всѣ они рассказывали о своемъ состояннн. Послѣ сеансовъ у нихъ становится лучше сонъ, пропадаютъ страхи, лучше аппетитъ. По ночамъ послѣ сеансовъ многие потѣютъ. Недѣлю назадъ Николаевъ приползъ къ доктору съ распухшими ногами и лицомъ. Теперь онъ ходитъ и чувствуетъ себя бодрѣе. Опухли исчезли.

— Можно и безъ закрытыхъ глазъ,—объясняетъ докторъ.— Можно и не все тѣло будить. Можно заставить работать любой членъ тѣла. Ну, Николаевъ, дайте работать вашей правой ногѣ. Вѣдь, у васъ правая больше болитъ?

Правая нога Николаева дрогнула, слегка подпрыгнула на носокъ и начала качаться справа налево. Присоединилась и другая нога. Придерживаясь руками за стулъ, онъ минутъ пять сдвигалъ и раздвигалъ колѣни, весь покрытый испариной. Слегка посмѣивались на его движенія другіе, онъ и самъ конфузливо улыбался, сползая со стула всѣмъ тѣломъ.

Минуть черезъ десять докторъ предложилъ послѣднн сеансъ. «И довольно ужъ съ васъ сегодня».

— Не угодно ли и вамъ присоединиться?—предложилъ миѣ докторъ.

Было это неожиданно для меня и слегка взволновало. Я согласился съ чувствомъ внутренняго упорства: «А я не поддамся!» И вмѣстѣ со всѣми закрылъ глаза.

Я слушалъ приказанія врача: «Больше чувствовать, сильнее работать!» И мало-по-малу сосредоточивался на своемъ тѣлѣ, на всемъ, что чувствительно, что слегка болитъ и напоминаетъ о себѣ: сердце, поясница, печень... Я не дѣлалъ никакихъ движеній, я не хотѣлъ ихъ дѣлать. Но прнятное состоянне внутренней сосредоточенности и теплоты безспорно меня охватило. А при окрикѣ врача «Чувствовать себя отъ головы до

пятокъ!» Я неожиданно почувствовалъ, какъ нервная горячая метелка прошлась по спинному хребту именно отъ головы до пятокъ, а не въ обратномъ направленнн.

Но, повторяю, я сидѣлъ съ упорствомъ не подчиняться правиламъ и объединяющимъ силамъ этого «ферейна». И по счету пять открылъ глаза.

Придерживая мундштукъ еле владѣющимъ большимъ пальцемъ недвижимой руки, докторъ пускалъ изо рта дымъ и улыбался, глядя на меня.

— Внутреннее упорство—огромная сила,—говорилъ онъ.— Вотъ смотрите на меня: я умирающн человекъ. Я—жертва малярии. Коллеги не скрываютъ отъ меня моего состоянн, да я и самъ отлично его знаю. Но я не желаю умирать и этимъ поддерживаю себя больше, нежели лѣкарствами.

Расходились посѣтители. Попрошался и я. Шелъ по туманнымъ почти темнымъ улицамъ Петрограда. Грохотали автомобили, трамваи, ломовыя телѣги, сновала разстроенная и унылая толпа.

Я не знаю, въ какой мѣрѣ серьезно такое лѣченне, но своеобразный медицинскн взглядъ на историческія явленія безспорно примѣчательн.

Миѣ казалось, что меня въ театрѣ куколъ завели за ширмы. Тамъ въ зрительномъ залѣ дѣти рукоплещутъ: надъ краемъ ширмы встрѣчаются, цѣлуются, обнимаются, убиваютъ другъ друга, кричатъ куклы. А за ширмами сидитъ спокойннн человекъ, потрогиваетъ за шнурки и трубки, говоритъ за куколъ въ дудочки, выдвигаетъ ихъ и спускаетъ, укладывая ненужныхъ въ ящикъ.

С. Кондурушкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выборы въ Учредительное Собрание.

Въ печати мы находимъ противорѣчивыя ремарки: «выборы въ Учредительное Собрание прсходятъ вполне спокойно», «въ полномъ порядкѣ», «день выборовъ прошелъ блѣдно, безъ подъема», «инцидентовъ никакихъ не было». Отмѣчаются индифферентизмъ и абсентеизмъ избирателей. Немало указаній и на производящіяся насилія надъ избирателями и разныя злоупотребленія.

Въ Саратовскомъ уѣздѣ безчинствуютъ солдаты-большевики требуя, чтобы крестьяне баллотировали за большевиковъ. Въ Оркинѣ разорвали списки социалистовъ, въ Березовкѣ грозили насиліями.

Въ Красниковскомъ, Локонскомъ и Лушанскомъ избирательныхъ участкахъ заставляли класть списки за социалистовъ-революционеровъ или за большевиковъ; остальныхъ списковъ или не раздавали, или при входѣ въ избирательное помѣщенне солдаты отбирали и уничтожали; при этомъ звѣрски убитъ председатель красниковской коммиссии Булгаковъ, который протестовалъ противъ насилія.

Одесская городская управа завалена жалобами на злоупотребленія по доставкѣ избирателямъ кандидатскихъ списковъ. Доставка возложена на милиционеровъ, среди которыхъ много большевиковъ, уничтожающихъ списки к.-д., меньшевиковъ и другихъ партнн. Отмѣчены случаи доставки вмѣсто 12-ти двухъ—трехъ списковъ, иногда только большевистскихъ.

Изъ Сычевки, Смол. губ. сообщаютъ, что коммиссией по выборамъ составленъ актъ о томъ, что солдаты-большевики совершили подлогъ,—дали 18 записокъ отъ имени тѣхъ же товарищей, которые выѣхали изъ Сычевки уже нѣсколько дней тому назадъ. Выѣздъ «товарищей» подтвержденъ официальной справкой командира роты.

Злоупотребленія и нарушенія свободы выборовъ отмѣчены и при выборахъ въ столицахъ. Срывались плакаты, большевики врываются въ квартиры и требовали подъ угрозой подачи голоса за нихъ, производились насилія надъ лицами, раздававшими бюллетени небольшевистскѣй партнн. Въ Москвѣ на Б. Прѣснѣ была открыта проходившимъ патрулемъ стрѣльба по толпѣ избирателей.

Много сообщеннн, что на фронтѣ условия избирательной кампаннн еще хуже. Избирательный комитетъ района 12-й арміи заявилъ протестъ противъ насилія, производимыхъ большевиками надъ свободой выборовъ.

«Выборной агитаціи на фронтѣ нѣтъ,—пишутъ въ «Русск. Вѣд.» Всѣ «буржуи» не допускаются до фронта,—ихъ задерживаютъ или въ Минскѣ, или на одной изъ промежуточныхъ станцій между фронтомъ и Минскомъ. Агитационная литература, воззванія, листки,—все это уничтожается. Представители даже списка № 10 (социалистическн блокъ) задерживаются или имъ предлагается немедленно вернуться въ Минскъ. Агитация ведется только двумя партиями,—большевиками и с.-р.

Большевики распускаютъ наглую ложь о подкупѣ буржуями, к.-д. всѣхъ социалистическихъ газетъ, утверждая, что въ Петроградѣ большевики открыли 20.000.000 пуд. хлѣба, который к.-д. съ с.-р. «нарочно запрятали». Сознательнымъ, интеллигентнымъ солдатамъ не даютъ говорить,—«буржуи». Попытки агитировать за с.-д. меньшевиковъ иногда оканчивались скандалами».

Но всѣ эти насилія и злоупотребленія—ничто въ сравненнн съ тѣмъ колоссальнымъ насиліемъ, которое произведено надъ всей страной наканунѣ выборовъ. Государственный переворотъ, произведенный большевиками, захватъ ими власти, терроръ и кровавое междоусобне создали невыносимо тяжелыя условия выборовъ. Петроградъ, Москва, Казань, Саратовъ и другіе города пережили гражданскую войну съ разстрѣлами, убийствами, пожарами. Развалъ и анархія достигли крайнихъ предѣловъ. Населенне охвачено паникой. Всюду солдатскія массы терроризируютъ населенне. Обыватель не знаетъ, дойдетъ ли онъ благополучно до избирательныхъ урнъ или подвергнется насиліямъ. Наступали великіе избирательные дни, а населенне жило страхами за свое существованне, за цѣлость своего имущества. Насилія шли за насиліями. Захватывались учрежденія, банки, разгонялись вооруженной силой избранныя насе-

лением демократическа Городскія Думы. Выбранных населения служащих, принуждали угрозами признать власть захватчиковъ. Засѣданіе петроградской Городской Думы происходило подъ щелканье затворовъ ружей, направленныхъ на гласныхъ. Большевистскій терроръ проявляется во всѣхъ видахъ насилія: безчисленные аресты, вторженія въ жилища, захватъ типографій, закрытіе газетъ. Все это создало крайне тягостную морально-политическую обстановку выборовъ.

Избирательная агитація отсутствовала. Населеніе шло къ урнамъ безъ сознательнаго отношенія къ выборамъ, неподготовленнымъ, запуганнымъ. Печать, поставленная въ исключительныя условія, была безсилна восполнить отсутствіе свободы предвыборной агитаціи. Въ Петроградѣ газеты «Рѣчь», «Биржевыя Вѣдомости», «День», долгое время закрытыя, едва вышли, какъ снова подверглись насилію. Принудительно безмолствовали органы несоціалистической печати продолжительное время и въ Москвѣ. Тоже происходило въ провинціи. Казанскія газеты не могли выходить. «Полтавскій День» выходитъ въ видѣ бѣлыхъ листовъ съ одной только фразой отъ редакціи: «Редакція протестуетъ противъ воскрешенія политической цензуры». Извѣстно негодующее письмо по этому поводу Вл. Г. Короленко, а вслѣдъ за этимъ типографія газеты была вовсе реквизирована военно-революціоннымъ комитетомъ и въ ней стали печататься большевистскій органъ.

Въ «Извѣстіяхъ Ржевскаго Совѣта» опубликовано слѣдующее объявленіе: «Ржевскій военно-революціонный комитетъ, согласно постановленію своему симъ объявляетъ, что всѣ буржуазныя газеты, выписываемыя гражданами г. Ржева, комитетомъ будутъ конфисковываться сейчасъ же по приходѣ поѣздовъ на станціи Ржевѣ-александровской и Московско-виндаво-рыбинской жел. дорогъ».

Захватъ власти былъ использованъ большевиками для того, чтобы зжать ротъ своимъ противникамъ. Были нарушены элементарныя гарантіи свободы выборовъ, на которыя не покушалось даже старое деспотическое правительство. Голосъ населенія долженъ былъ проходить сквозь густую сѣть загражденій созданнымъ произволомъ.

За то большевизмъ создалъ для себя благоприятныя условія агитаціи: въ его распоряженіи невѣжество

и терроръ. Въ этихъ цѣляхъ и совершенъ захватъ власти наканунѣ выборовъ. Въ этомъ признался одинъ изъ столповъ большевизма, Луначарскій. Большевики использовали темноту и невѣжество населенія, низменные инстинкты толпы. Самая грубая вульгарная демагогія и терроръ при помощи штыковъ солдатской массы—вотъ ихъ средства давленія на избирателей изъ низовъ населенія. Обѣщается миръ, земля, хлѣбъ, и темный народъ слѣпо идетъ за людьми, расточающими такіе посулы. Онъ не входитъ въ то, какими путями все это дастся ему, кто его зоветъ, выполнимы ли обѣщанія: тѣ, кто могъ бы раскрыть глаза народу, обнаружить обманъ, указать на страшныя опасности такой демагогіи, обречены на безмолвіе...

Когда пишутся эти строки, результаты выборовъ въ Учредительное Собраніе еще неизвѣстны. Только въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ подведены итоги. Пока нѣтъ еще данныхъ, чтобы судить, въ какой мѣрѣ большевистское воздѣйствіе на выборы удалось имъ, или, не взирая на всѣ препятствія, и неблагоприятныя условія ими созданныя воля народа все-таки нашла себѣ выраженіе. Если бы этого не случилось, если бы Учредительное Собраніе явилось креатурой захватившей власть партіи, это было-бы величайшимъ несчастіемъ для страны. Учредительное Собраніе должно стать не только основоположникомъ Россійской Республики, ея политическаго и соціальнаго устройства, но и тѣмъ мощнымъ аппаратомъ, который въ переживаемый моментъ единственно могъ бы положить конецъ анархіи, возстановить порядокъ, спасти русскую государственность. Для нынѣшнихъ засильниковъ, захватившихъ власть, не нужно Учредительное Собраніе. Если оно не будетъ на ихъ сторонѣ, большевики уже сказали, что они не останутся передъ тѣмъ, чтобы двинуть противъ Учредительнаго Собранія темныя массы. На этотъ случай рядомъ съ всенароднымъ и полномочнымъ Учредительнымъ Собраніемъ, котораго такъ долго ждала страна, сохраняются самочинныя классовыя организаціи, совѣты. Для большевиковъ воля народа—пустой звукъ, они—обладатели монополій на ея выраженіе. Учредительное Собраніе должно уничтожить такое самовластіе новыхъ насильниковъ и безправіе народа, найти силы къ спасенію родины.

Н. Горданскіи.

ЦЕРКОВНЫЙ СОБОРЪ.

«Вѣрная своимъ священнымъ завѣтамъ, церковь православная не принимаетъ участія въ борьбѣ политическихъ партій. И, однако, нынѣ, какъ и въ дни священномученика—патриарха Ермогена, она не можетъ оставаться равнодушною зрительницею распада и гибели родины»,—говоритъ одно постановленіе Собора. Дѣйствительно, какъ высшій блюститель религиозно-нравственной жизни православнаго русскаго народа, Соборъ не можетъ и, не измѣняя вѣковой традиціи, не долженъ молчать, когда рушится хранима государственнаго бытія, надъ которою вмѣстѣ съ князьями и витязями, людьми городскими и земскими трудились святители и иноки, молитвенники и подвижники,—когда растлѣніе все болѣе и болѣе охватываетъ самую душу народную. Въ рядѣ посланій Соборъ напоминаетъ истину, оправданную опытомъ вѣковъ, но преступно забытую въ наши дни, что «лишь всенароднымъ единеніемъ, озаряемымъ общею вѣрою, просвѣтляемымъ неподкупною совѣстью, искони утверждаются царства; съ пошатнувшеюся вѣрою, съ затемнившеюся совѣстью, расточаются силы, рушатся державы» (посланіе Со-

бора въ виду приближающихся выборовъ въ Учредительное Собраніе). Народъ православный, приступающій къ новому строительству государственному, Соборъ, поэтому, и призываетъ, «какъ и встарь, сплотиться духовно около святаго православія и молить блюсти его завѣты, возогрѣвая въ сердцахъ любовь Христову. Стоитъ держава Россійская лишь дотолѣ, пока не измѣнила вѣрѣ Христовой, не отдѣлила себя отъ своего основанія. Невѣстно странѣ Россійской, Руси святой, стать царствомъ безбожнаго невѣрія. Въ родинѣ, странѣ отшедшихъ отцовъ и грядущихъ сыновъ нашихъ, видится оку вѣры земля святая,—въ ней жили и спасались святые угодники Божии, съ ними купно пребыли въ христіанской вѣрѣ отцы наши. И по истинѣ, не мила намъ и родина безъ святой вѣры нашей. Пусть же носители вѣры призваны будутъ врачевать ея болѣзни» (ibid), потому что,—заявляетъ Соборъ, «народно-русскою можетъ быть только власть, просвѣтленная вѣрою Христовою» (Постановленіе отъ 1 сентября по поводу угрожавшей родинѣ братоубійственной

войны). Въ послани къ воинству и флоту, написанному протопресвитеромъ Г. I. Шавельскимъ, мы читаемъ между прочимъ: «Кто изобразитъ весь ужасъ нынѣшняго нашего положенія? Внутри страны—разруха, на фронтѣ—измѣна. Сбитые съ толку предателями и шпионами, злостно обманываемые врагомъ, цѣлыя полки оставляютъ позиціи, бросаютъ оружіе, предають товарищей, сдають города, дарятъ врагу огромную добычу, надъ мирными жителями чинятъ гнусныя насилия. Среди воиновъ не мало такихъ, что смѣются надъ закономъ, глумятся надъ доблестью, издѣваются надъ подвигомъ, избиваютъ начальниковъ, измѣннически братаются съ врагомъ и въ то же время злодѣйски въ спину разстрѣливаютъ идущихъ въ бой своихъ же героевъ. Неслыханное на Руси, какъ стоитъ она, дѣло: наши войска, своею доблестью удивлявша миръ, нынѣ становятся посмѣшищемъ, игрушкою для врага и ужасомъ для своего же тыла. Нѣмецкіе шпионы и наемники и наши предатели и измѣнники изъ тыла отравили у армии умъ и вырвали сердца. Къ этимъ преступникамъ Всероссійскій Соборъ обращаетъ вопль изстрадавшейся души своей. Вы, забывши Бога и совѣсть, растлители въ войнахъ чистой вѣры, убійцы ихъ духа, разрушители устоевъ, на которыхъ доселѣ крѣпла и развивалась воинская мощь и сила, ужаснитесь вашего сатанинскаго дѣла! Вы будете виновны, если сраженная Россія склонитъ свою голову, лишится своей свободы и подпадетъ подъ нѣмецкое рабство, которое сильнѣе татарскаго придушитъ народъ, васъ же и вашихъ дѣтей и внуковъ. Если вы дѣлаете это по неразумію, раскайтесь и принесите плодъ, достойный покаянія. Верните армии то, что вы безбожно отняли у нея,— ея могучій духъ. Если вы дѣлаете это по злему умыслу—горе вамъ! Придетъ пора, что преданный вами народъ,—народъ, прозрѣвшій, наученный великимъ страданьемъ, пойметъ и жестоко осудитъ васъ. Души замученныхъ, зарѣзанныхъ, разстрѣлянныхъ по вашимъ наветамъ и совѣтамъ своими же братьями нашихъ героевъ долга призовутъ васъ къ суду Всевышняго. Кровь безчисленныхъ мучениковъ нашихъ воиновъ, пролитая въ эту войну, падетъ на вашу голову. Опомнитесь! Вѣдь, и вы сыны родины! Ужель мученія и смерть матери не трогаютъ васъ? Ужель ея проклятье не страшитъ васъ? Загляните въ глубину своей души, и ваша, придушенная вражьи наветами, совѣсть,—совѣсть русскаго чловѣка, христианина, гражданина, можетъ быть, скажетъ вамъ, какъ далеко вы ушли по ужасному, преступнѣйшему пути, какія зияющія, неисцѣлимая раны нанесли вы родинѣ—матери своей. Ужель вы хотите свое благополучіе построить на развалинахъ и пожарахъ святой Руси? Иль вы думаете свое личное счастье купить ги-

белью родины? Не можетъ быть счастья измѣннику, предателю. Ужасно Каиново счастье! «Нѣтъ мира нечестивымъ, говоритъ Богъ мой». (Ис. LVII, 21). Молимъ васъ: вернитесь къ Богу, къ правдѣ, къ своему великому долгу!... Вы, вѣрные своему долгу и дѣлу, доблестные, славные наши воины, примите слово любви изъ глубины нашего израненнаго сердца. На ваши плечи легла главная тяжесть выпавшаго на долю Россіи креста. Ваши же братья за вашу любовь къ родинѣ платятъ ненавистью, на вашу правду отвѣчаютъ клеветою; глумятся надъ вашей доблестью, за вашу вѣрность долгу обливаютъ васъ грязью или вашей же кровью; за ваши подвиги избиваютъ и разстрѣливаютъ васъ. Невыразимо тяжелъ вашъ крестный путь. Но знайте, что съ вами и за васъ вся вѣрующая, страдающая Россія; съ вами всѣ вѣрные сыны ея! Знайте, что для насъ священна каждая капля вашей крови, какъ крови мучениковъ за други своя! Въ вашемъ мужествѣ и подвигахъ родина черпаетъ вѣру, что не погибнетъ она, доколѣ есть у нея вѣрные сыны, идущие на страданія и мученія за нее. Прославляемъ ваши страданія, цѣлуемъ ваши раны, преклоняемся предъ величьемъ вашего духа. Да будутъ на вѣки благословенны ваши имена! «Богъ всякой благодати да совершитъ васъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ, да сдѣлаетъ непоколебимыми» (Петр. V, 10). Воины русскіе! Вамъ великій русскій народъ вѣрилъ самого себя, свое достоинство, свои святыни, свое будущее, свое счастье. Въ вашихъ рукахъ, въ вашей волѣ жизнь и смерть народа: вы одни можете или спасти и возвеличить, или святотатственно затоптать и похоронить и нажитую предками славу и народную свободу».

Призывы Собора къ возвращенію на исконные пути исторической жизни,—къ государственному строительству въ единеніи съ церковью имѣютъ значеніе и для самой революціи, во всякомъ случаѣ—большее, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Революція до сихъ поръ бездѣйствена въ смыслѣ творческаго преображенія жизни по высшимъ нормамъ. Въ ней сказывается влияние началъ иноземныхъ, насильственно привитыхъ народному сознанию. Сейчасъ въ своемъ революціонномъ сознании народъ удалился отъ своего идеальнаго образа, и въ этомъ гибель революціи; ея спасеніе возможно только при единственномъ условіи, если она приобрѣтетъ характеръ религиозный,—будетъ пронизана лучами правды Христовой, милосердія и смиренія.

Учитывая всю важность призывовъ соборныхъ для православно русскаго народа, нельзя не пожалѣть, что, Соборъ лишенъ возможности дать самое широкое распространеніе своимъ посланіямъ.

Б. Гречевъ.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

БРОШЮРЫ:

„НАРОДОПРАВСТВО“.

1. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 к.
2. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Два русскіихъ учредительныхъ собранія (1813 и 1817 гг.). Ц. 80 к.
3. Н. А. ВЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. ВЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Демократическая организація армии. Ц. 30 к.
7. ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое социализмъ? (Печатается).
8. ПРОФ. В. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ. (Печатается).
9. В. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ смутное время. (Печат.)
10. ПР.-ДОЦ. С. Ф. КЕЧЕКЪЯНЪ. Что такое свобода. (Печатается).
11. ПРОФ. Е. В. СПЕКТОРСКІИ. Что такое конституція. Ц. 30 к.
12. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа. Цѣна 40 коп.
13. ГЕОРГІИ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакунинъ и бунтари 1917 г. г. Цѣна 30 коп.
14. ПРОФ. А. О. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи. Ц. 30 к.
15. ПР.-ДОЦ. Н. Н. ФІОЛЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30 к.
16. БОРИСЪ ЗАИЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ. Ц. 30 к.
17. ПРОФ. А. А. СОВОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 25 к.
18. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІИ. Пропорціональные выборы. Ц. 30 к.
19. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІИ. Ученіе объ Учредительномъ Собраніи. 2-е изд. Ц. 30 к.
20. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика. (Печатается).
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и недѣлимая Россія. Ц. 30 к.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІИ. „Чего хотимъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками“. Ц. 40 к.
23. ВЛ. ОСТРОВСКІИ. Прямое народное законодательство. Ц. 30 к.
24. В. БАЙКОВЪ. Страхование отъ безработицы. Ц. 30 коп.

Адресъ конторы издательства: Москва, В. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96

Въ первыхъ нумерахъ напечатаны статьи и очерки, слѣдующихъ авторовъ:

Проф. Н. Н. Алексѣева, Д. Аркина, Н. А. Бердяева, Г. Вильямса, проф. Б. П. Вышеславцева, В. Дороватовской, А. А. Евдокимова, Бор. Зайцева, проф. В. В. Зыньковского, Вячеслава Иванова, Н. М. Гордапскаго, прив.-доц. Ю. В. Ключникова, С. С. Кондурушкина, Е. Коровина, Бориса Кремнева, В. Муравьева, В. В. Островскаго, А. Пойминова, М. Пришвина, Алексѣя Ремизова, Петра Рысса, проф. А. А. Рождественскаго, Б. Савинича, пр.-доц. А. Саккетти, проф. М. Н. Соболева, свящ. С. М. Соловьева, проф. Е. Спекторскаго, проф. В. М. Устинова, прап. Ушакова, проф. М. И. Фридмана, пр.-доц. Н. Н. Фіолетова, Георгія Чулкова и др.

Адресъ конторы: Москва Б. Дмитровка, 13, кв. 18, Тел. 2-39-96.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковский пер., соб. домъ.